IP & Digital Law

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Монография

Под общей редакцией М.А. Рожковой

statutdigital

IP CLUB

Коллектив авторов

Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права

«Статут»
2018

УДК 347.77
ББК 67.404.3

Коллектив авторов

Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права / Коллектив авторов — «Статут», 2018

ISBN 978-5-9909636-7-2

В настоящей книге отражены результаты проведенных исследований, в процессе которых был обоснован вывод о недостаточной проработанности концепции, положенной в основу раздела VII ГК РФ, а также выявлен ряд иных серьезных недостатков в существующем правовом регулировании отношений по поводу интеллектуальной собственности. Итогом проведенных изысканий стало заключение о необходимости «преобразования» раздела VII ГК РФ в самостоятельный (комплексный) Кодекс интеллектуальной собственности – «свод законов», включающий нормы различных отраслей права, регулирующие общий для всех предмет (отношения по поводу интеллектуальной собственности). Именно такой подход позволит обеспечить полноценную правовую охра -ну и защиту интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики. Для преподавателей, аспирантов, студентов в качестве учебного пособия, содержащего дополнительную информацию по курсу «Право интеллектуальной собственности», а также судей, адвокатов, практикующих юристов в их практической деятельности.

УДК 347.77
ББК 67.404.3

ISBN 978-5-9909636-7-2

© Коллектив авторов, 2018
© Статут, 2018

Содержание

Авторский коллектив 7
Обозначения и сокращения 8
Вступительное слово 10
Глава 1 12
§ 1.1. Различия в понимании кодификации законодательства: сравнительно-правовой анализ 12
§ 1.2. Кодекс интеллектуальной собственности Франции 29
§ 1.3. Влияние Модельного кодекса интеллектуальной собственности на законодательство государств – участников СНГ 39
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права

© М.А. Рожкова, А.А. Богустов, © М.А. Рожкова, А.А. Богустов, В.Н. Глонина, А.А. Семенова, 2018 В.Н. Глонина, А.А. Семенова, 2018

© ООО «Статут», 2018

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2018

* * *

Авторский коллектив

Рожкова Марина Александровна – доктор юридических наук, эксперт Российской академии наук, президент IP CLUB, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) – § 1.2 и 2.3 (совместно с В.Н. Глониной и А.А. Семеновой), вступительное слово, § 1.1, 1.4, 2.1, 2.2, 2.4.

Богустов Андрей Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы – § 1.3 (совместно с В.Н. Глониной и А.А. Семеновой).

Глонина Вера Николаевна – студент юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова – § 1.2 и 2.3 (совместно с М.А. Рожковой и А.А. Семеновой), § 1.3 (совместно с А.А. Богустовым и А.А. Семеновой).

Семенова Анастасия Александровна – студент международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России – § 1.2 и 2.3 (совместно с М.А. Рожковой и В.Н. Глониной), § 1.3 (совместно с А.А. Богустовым и В.Н. Глониной).

Руководство авторским коллективом и общая редакция книги – **М.А. Рожковой**.

Обозначения и сокращения

Бернская конвенция	Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений
ВАС РФ	Высший Арбитражный Суд РФ
Всемирная декларация WIPO	Всемирная декларация по интеллектуальной собственности
ВС РФ	Верховный Суд РФ
ВТО	Всемирная торговая организация
ГГУ	Германское гражданское уложение
ГК РФ	Гражданский кодекс Российской Федерации
ДАП	Договор ВОИС по авторскому праву
ДИФ	Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам
ЕСПЧ	Европейский Суд по правам человека
Конвенция по правам человека	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод
Парижская конвенция	Парижская конвенция по охране промышленной собственности
Пекинский договор	Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям
Римская конвенция	Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций
Роспатент	Федеральная служба по интеллектуальной собственности
СИП	Суд по интеллектуальным правам

совместное Постановление № 5/29	Постановление Пленума ВС РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»
Стокгольмская конвенция	Конвенция, учредающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности
Соглашение ТРИПС	Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности
ФГК	Французский гражданский кодекс
WIPO	*World Intellectual Property Organization* – Всемирная организация интеллектуальной собственности

Вступительное слово

Говоря о праве интеллектуальной собственности, многие заученно, как мантру, упоминают его новизну и чрезвычайную сложность для понимания. Эти характеристики можно встретить и в разного рода публикациях, и в учебной литературе, и даже в официальных докладах и разъяснениях.

Между тем новизна права интеллектуальной собственности – понятие весьма относительное: даже если не брать во внимание даты принятия первых законодательных актов, регламентирующих эту сферу, нельзя не учитывать, что первые международные договоры в данной области заключены еще в XIX в.

Весьма дискуссионным представляется и утверждение о непомерной сложности права интеллектуальной собственности.

Бесспорно, на момент появления первых законодательных актов в сфере интеллектуальной собственности, ознаменовавших отказ от системы феодальных привилегий, не только авторам и изобретателям, но и юристам было тяжело уяснить содержание революционных и далеких от совершенства законоположений. В то время действительно можно было говорить о запутанности правового регулирования в рассматриваемой сфере. Однако со временем стали заключаться международные договоры, в которых находили закрепление единые принципы получения правовой охраны различных объектов интеллектуальной собственности и общие стандарты; развивалось и совершенствовалось национальное законодательство; в разных государствах складывалась правоприменительная практика, становящаяся предметом исследований и обобщений, и т. д. В этих условиях уже странно звучат утверждения, что право интеллектуальной собственности как-то выбивается из ряда других отраслей законодательства или является значительно более сложным, нежели какая-либо другая отрасль.

Что касается содержательной части, то и здесь нет оснований усматривать за разбираемой сферой чрезмерную замысловатость. Интеллектуальная собственность – это субъективные гражданские права, выделяющиеся из прочих, во-первых, нематериальным объектом, во-вторых, градацией на две разновидности (личные неимущественные и исключительные) и, в-третьих, срочным характером одной из разновидностей прав (исключительных).

Вместе с тем нельзя не замечать испытываемые судьями и другими правоприменителями трудности при применении законодательства в сфере интеллектуальной собственности, да и для авторов, изобретателей, иных создателей, а также правообладателей, пытающихся защитить собственные права, эта сфера остается чрезвычайно мудреной. Ситуация еще больше осложняется, когда обнаруживается потребность в распространении норм этого законодательства на отношения, возникающие в цифровой среде, – здесь, как правило, многие заходят в тупик.

Но все это не свидетельство сложности самого права интеллектуальной собственности, а негативные последствия недостаточной концептуальной проработанности и далекого от совершенства языка отечественного закона.

Настоящая книга представляет собой работу, в которой по итогам проведенных доктринальных исследований, включающих анализ международного и зарубежного опыта, сделан вывод об ошибочности избранной схемы кодификации отечественного законодательства об интеллектуальной собственности и недостаточной проработанности концепции, положенной в основу раздела VII ГК РФ. Эти концептуальные недостатки стали первопричиной отмечаемой специалистами неудовлетворительности правового регулирования отношений по поводу интеллектуальной собственности. Обозначенная проблема приобретает особую актуальность в цифровую эпоху: нормы действующего законодательства об интеллектуальной собственности не только не создают полноценных законоположений, но и не содержат даже ориентиров,

позволяющих правоприменителям оперативно и эффективно пресекать нарушения интеллектуальных прав в цифровой среде.

Итогом проведенных изысканий стало заключение о необходимости «преобразования» раздела VII ГК РФ в самостоятельный (комплексный) Кодекс интеллектуальной собственности – «свод законов», включающий нормы различных отраслей права, регулирующие общий для всех предмет (отношения по поводу интеллектуальной собственности). Именно такой подход позволит обеспечить полноценную правовую охрану и защиту интеллектуальной собственности в современных реалиях цифровой экономики.

М.А. Рожкова

Глава 1
О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности

§ 1.1. Различия в понимании кодификации законодательства: сравнительно-правовой анализ

Настоящую главу хотелось бы предварить замечанием о том, что поставленные в ней вопросы будут разбираться на примерах из правового опыта стран романо-германской правовой системы, характерными чертами которой являются не только единая иерархическая система источников права и деление на отрасли права, но и *кодифицированное построение*.

Бесспорно, сегодня и правовые системы общего права (*Common Law*) могут «похвалиться» не одним кодексом. Однако, как пишет, например, У. Тресс, термин «кодекс» (от лат. *code*) в американской трактовке применяется к любому упорядоченному собранию нормативных актов – к Кодексу законов США (*United States Code – U.S.C.*), к Кодексу нормативных актов США (*Code of Federal Regulations – CFR*) и пр.[1] В свою очередь Дж. П. Флетчер указывает на то, что слово «кодекс» используется и для обозначения статутов в рамках кодексов (например, Внутренний налоговый кодекс в *U.S.C* (разд. 26 U.S.C.)), т. е. как бы кодексов внутри кодекса, что не позволяет рассматривать их как кодексы в «европейском смысле»[2]. С учетом этого, а также характерной для общего права первичности прецедентов (как источников права) по отношению к писаному закону изучение особенностей и методики кодификации стран, входящих в англосаксонскую правовую семью, не представляет интереса в рамках данной работы.

Термин «кодификация», введенный Бентамом в английский язык еще в начале XIX в., довольно быстро вошел во многие другие языки[3] и правовой обиход, но до сих пор в теории права нет единства мнений относительно его содержания.

В зарубежной юридической литературе встречается трактовка кодификации как придания письменного выражения правовым положениям[4] (что обосновывает отграничение кодифицированного права от неписаного права в англосаксонской правовой традиции), а кодекс понимается как «специфический вид писаного права, в котором отдельные законоположения изложены таким образом, что в комплексном виде они образуют авторитетный, исчерпывающий и единственный (исключающий всякий другой) источник права в данной области»[5]. Предлагается понимать кодификацию как своеобразную юридическую технику, «которая позволяла осуществить замыслы школы естественного права, завершить многовековую эволюцию право-

---

[1] *Tress W.* Lost Laws: What We Can't Find in the United States Code // Golden Gate University Law Review. 2010. Vol. 40. Iss. 2. P. 131–132 (приводится по: *Ваньков А.В.* Американские и европейские кодексы законов и иных нормативных правовых актов: сравнительный обзор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 17).

[2] *Fletcher G.P., Sheppard S.* American Law in a Global Context: The Basics. N.Y., 2005. P. 33 (приводится по: *Ваньков А.В.* Указ. соч. С. 17).

[3] См.: *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головко. М.: Статут, 2007. С. 104–105. Р. Кабрияк обращает внимание на следующий любопытный факт: слово *kodification* было воспринято и немецким языком, как и слово *kodex*, при существовании собственного термина, используемого для обозначения кодекса, – *gesetzbuch* (книга законов).

[4] См.: *François Rigaux.* Codification of Private International Law: Pros and Cons, 60 La. L. Rev. (2000) // URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/ (дата обращения: 28.05.2017).

[5] Такое мнение высказал лорд Скармен, первый председатель Правовой комиссии в Англии, в публичной лекции «Кодификация и судейское право: проблемы сосуществования» (1966) (цит. по: *Деннис Я.* Кодификация уголовного права // СССР – Англия: юстиция и сравнительное правоведение. М., 1986. С. 13 (цит. по: *Михайлов А.* Ментальные предпосылки кодификации // https://blog.pravo.ru/blog/713.html)).

вой науки, четко изложив в отличие от хаоса компиляций Юстиниана право, соответствующее интересам общества»[6], и т. д.

По-разному определяется и сущность деятельности по кодификации законодательства, например, А. Хюссен трактует «кодификацию в двух значениях: как составление систематизированных законов и кодексов для определенных разделов права и как результат этой деятельности – собрание кодексов…»[7]. «Кодифицировать – значит изменять, – подытоживает современный французский компаративист Д. Таллон. – Самое меньшее – это изменять форму права. А в наиболее развитом виде кодифицировать – это всегда также видоизменять право в его существе»[8]»[9]. И. Сабо, характеризуя результат кодификации – кодекс, упоминает его всеобъемлющий характер, полноту и системность[10].

Примечательно, что в ряде государств роль и место кодексов определяется специальным законодательством. Так, в Японии в 1898 г. было принято Общее положение о законах, в Ватикане с 1929 г. действует Закон об источниках права, в Италии в 1942 г. королевским декретом утверждены Общие положения о Законе, в Болгарии в 1973 г. принят Закон о нормативных актах, определяющий их иерархию[11].

Доктринальные основы кодификации законодательства во Франции

В рамках настоящей работы основное внимание будет обращено на французское право, давшее миру Кодекс интеллектуальной собственности. Поэтому нелишним будет подчеркнуть: исторически сложилось так, что во Франции учение о кодификации является одним из разделов цивилистики, а не общей теории права. На это специально указывает Л.В. Головко: «Кодификация исторически является вотчиной именно частного права, поскольку его центральный элемент – право гражданское – был кодифицирован (ГК 1804 г.), тогда как центральный элемент публичного права – право административное – нет. С тех пор институтом кодификации стали заниматься во Франции цивилисты»[12].

Современный французский исследователь Р. Кабрияк, опираясь на труды историков права, выводит следующее заключение: «…некий каркас понятия кодекса – это совокупность разрозненных правовых норм, приведенных в форму единого целого. В такой ситуации кодификация предстает в качестве деятельности по приданию правовым нормам такой формы, в которой они становятся единым целым»[13]. И в качестве одного из ярких примеров кодификации цивилист указывает Свод законов Российской империи (объединивший в 15 томах порядка 42 тыс. статей при первоначальном издании и 100 тыс. статей с учетом последующих дополнений), ссылаясь при этом на оценку, данную французскими правоведами: «Можно сказать, что всеобщая история права не знает кодификаций, которые по своему размаху и дерзости были бы сопоставимы с российским Сводом»[14].

---

[6] См.: *Давид Р., Жоффе-Спиноза К.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 48.

[7] См.: *Хюссен А., мл.* Кодификация в Нидерландах 1795–1938 гг. (на примере брачно-семейного права) // Ежегодник истории права и правоведения. Вып. 3. М., 2002. С. 49.

[8] *Tallon D.* Codification et Reforme du droit // Legal Theory comparative Law. Budapest, 1984. S. 399 (см. там же. С. 7).

[9] *Рахманина Т.Н.* Кодификация законодательства. М.: Юрист, 2005. С. 11.

[10] См.: *Сабо И.* Социалистическое право. М., 1964. С. 174–175.

[11] Со ссылкой на работы И.Ф. Казьмина, С.В. Поленина, Ю.А. Тихомирова об этом пишет Н.С. Каранина (см.: *Каранина Н.С.* Правовые традиции кодификации в Российской Федерации // Право и практика. 2016. № 1 (15). С. 58).

[12] *Головко Л.В.* Вступительная статья // *Кабрияк Р.* Указ. соч. С. 11–12.

[13] Там же. С. 108–109.

[14] *Arminjon P., Nolde B., Wolff M.* Traité de droit compare. LGDJ, 1950, t. 2. N 716 (цит. по: *Кабрияк Р.* Указ. соч. С. 78).

По мнению А.Л. Маковского, Р. Кабрияк «вкладывает в слово «кодификация» более точный смысл другого понятия – систематизация права, для него, по-видимому, понятия более узкого, а в действительности гораздо более широкого»[15].

На наш взгляд, позицию Р. Кабрияка нельзя расценивать как неверную. Даваемая им трактовка деятельности по кодификации, сформировавшаяся на сегодняшний день во французской правовой доктрине (и ставшая основой для «непрерывных кодификаций», о которых далее в § 1.2), бесспорно, не соответствует, да и не должна соответствовать пониманию кодификации, сложившемуся в российском праве. В связи с этим уместно процитировать мнение Л.В. Головко, поясняющего следующее: «Французская доктрина исходит из функционального понимания кодекса, а не из понимания формального, присущего российской юридической науке. Для французского правоведа кодификация представляет собой любую форму приведения в единое целое рассеянных по разным источникам правовых норм, независимо от того, отменяем ли мы эти нормы формально, создавая на их месте новый крупный закон-кодекс (наполеоновская концепция), или оставляем кодифицируемые нормы в силе, лишь по-новому их структурируя, т. е. придавая им новую правовую форму без изменения содержания (римская или новейшая французская концепция). Здесь важна не столько форма, сколько цель (борьба с правовой неопределенностью, порожденной раздробленностью источников права), к которым можно идти, используя различные средства. Единство цели позволяет говорить о едином институте (кодификация), а дифференциация средств – выделять различные типы кодификации: официальную и неофициальную, кодификацию-реформу и кодификацию-компиляцию и т. д.»[16]. С учетом этого не должно вызывать удивление то, что, характеризуя Свод законов Российской империи как грандиозную *кодификацию*, Р. Кабрияк тут же именует его как «обширную компиляцию действующего права»[17].

Изложенное позволяет говорить о двух подходах к пониманию деятельности по кодификации, последовательно сформировавшихся во французской доктрине.

Согласно первому подходу под кодификацией понимается деятельность по реформированию права, которая осуществляется путем создания консолидированного акта, регулирующего определенную сферу общественных отношений (концепция, воплощенная в «классических» кодексах, принятых во времена Наполеона I, – **наполеоновская концепция**). В частности, ФГК (1804) заменил собой около 15 тыс. законодательных актов, но особо значимым стало то, что в нем были объединены писаное право юга Франции и обычное право севера Франции, и в итоге «в нем довольно составляющих: ранее действовавшего французского цивильного права, кутюмного, римского и согласованного с интересами крупной буржуазии революционного законодательства» [18]. Н.А. Какоурова, подчеркнув, что ФГК объединил в себе 36 законопроектов отдельных институтов гражданского права, отмечает: «Авторы обработали огромное множество норм римского и обычного права, отличающегося своим партикуляризмом, применили юридически революционные идеи. В то же время авторы учитывали судебную практику парижского парламента и ордонансы французских королей, им удалось разработать систему кардинально обновленного права. Кодекс удачно сочетал в себе черты уникального для своего времени законодательного акта, содержал основные понятия и институты гражданского права, «отличался стройностью изложения, сжатостью юридических формулировок и дефиниций»[19]»[20].

---

[15] *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010 (СПС «КонсультантПлюс»).

[16] *Головко Л.В.* Указ. соч. С. 18.

[17] *Кабрияк Р.* Указ. соч. С. 78.

[18] *Какоурова Н.А.* Кодификация гражданского права Франции в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61) С. 10–11.

[19] См.: История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2005. С. 652.

Второй подход, возобладавший в современной французской доктрине и реализуемый сегодня на практике, рассматривает кодификацию как создание систематизированного сборника нормативных актов различного уровня, то есть компиляцию этих актов в едином документе (**новейшая концепция**). Об этом по сути говорит и А.Н. Пилипенко, оперируя терминами «кодификация в собственном смысле» (для обозначения наполеоновской концепции кодификации) и «кодификация в широком смысле» (для обозначения новейшей концепции): «…развитие кодификации во Франции проходит не путем создания кодексов как консолидированных нормативных актов, а путем объединения различных нормативных актов, регулирующих однородные отношения, в «кодексы», которые представляют собой по форме и содержанию скорее систематизированный сборник нормативных актов различного уровня, нежели кодекс в его традиционном понимании… В отличие от кодификации в собственном смысле кодификация в широком смысле не предполагает пересмотра законодательства. Если в ходе кодификационной работы выявляются противоречия в законодательстве или необходимость пересмотра устаревших законодательных актов, то соответствующие законы пересматриваются в порядке обычной законодательной процедуры, а не кодификационной деятельности» [21].

Подробнее об особенностях *инкорпорации*, а во французской доктрине под ней понимается деятельность по включению норм, дополняющих или изменяющих действующие кодексы[22], будет говориться применительно к французскому Кодексу интеллектуальной деятельности. Здесь же можно привести случай, упомянутый Е.А. Сухановым: «…новый Торговый кодекс Франции от 18 сентября 2000 г. в действительности представляет собой лишь частичную консолидацию торгового законодательства (к его прежнему тексту добавлены тексты законов о торговых товариществах 1966 г., о банкротстве 1985 г. и о торговом представительстве 1991 г.), поскольку за его рамками остались, в частности, банковское право и ряд других институтов, урегулированных общим Законом от 15 мая 2001 г. «О новых экономических правилах». Более того, его принятие осуществлено не законом, а правительственным ордонансом (подзаконным актом). Не случайно в целом такая ситуация в литературе была оценена как «декодификация торгового права» [23]»[24].

Выявляя особенности кодификации во Франции, Д.В. Чухвичев указывает: «Французская методика кодификации наглядно отражает специфику французской школы законодательной техники. Наиболее характерной чертой этой методики, определяющей все ее методологические особенности, выступает предельный прагматизм, практичность кодификаторов, обусловливающие упрощенность формы изложения предписаний в кодексе… Статьи кодекса, составленные по такой методике, формулируются так, чтобы они были понятны максимально широкому кругу лиц, не обладающих специальными юридическими знаниями. Эти положения должны точно и полно усваиваться субъектами правового регулирования без посторонней помощи. При этом понимание смысла и толкование норм права, изложенных в статьях кодекса, должны быть у всех людей одинаковым… В связи с этим французская школа законодательной техники предполагает использование при составлении кодексов максимально простых и всем понятных слов и выражений»[25]. Автор подчеркивает, что французская кодификационная мето-

---

[20] *Какоурова Н.А.* Указ. соч. С. 11–12.

[21] *Пилипенко А.Н.* Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права. 2001. № 9 (сентябрь). С. 109–119.

[22] См. там же.

[23] *Licari F.-X., Bauerreis J.* Das neue franzosische Handelsgesetzbuch – ein kritischer Beitrag zur Methode der codification a droit constant // Zeitschrift fur Europaisches Privatrecht. 2004. N 1. S. 132ff.

[24] *Суханов Е.А.* Проблемы совершенствования кодификации российского гражданского законодательства // Актуальные вопросы российского частного права / сост. Е.А. Павлова, О.Ю. Шилохвост: сб. статей, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева. М.: Статут; Иссл. центр частного права, 2008 (СПС «КонсультантПлюс»).

[25] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 76–77.

дика предполагает использование только двух методов толкования правовых норм кодекса – *лингвистического* (установление смысла статей законодательного акта исключительно на основании правил языка) и *логического* (основанного на применении приемов элементарной логики для определения смысла предписаний из их взаимосвязи).

Д.В. Чухвичев обращает внимание на то, что создаваемые по французской методике кодексы отличает сравнительно небольшое количество общих положений, тогда как использование юридических и иных специальных терминов, юридических конструкций сводится к минимуму: «даже отраслевые принципы правового регулирования в комплексных… нормативных правовых актах… весьма немногочисленны и предельно просты. Специальные юридические термины используются редко и максимально приближены к обычным словам, а также снабжены исчерпывающе явными определениями (которые далее по тексту акта могут и повторяться). При этом использование специального термина допустимо только при условии наличия такого определения в самом кодексе, что обеспечивает более тесную смысловую связь между этим термином и предписаниями непосредственного правового регулирования… общие положения сведены к минимуму, а имеющиеся общие положения носят конкретный характер; общие положения выступают скорее как дополнение и разъяснение непосредственных предписаний, а не как главенствующие, определяющие начала»[26].

Французские кодификаторы используют **институционную структуру кодекса**, принципы которой были разработаны еще при составлении ФГК (1804) с опорой на систему изложения Институций Гая[27] – элементарных учебников римских юристов. Институционная система предполагает отсутствие общей части – вместо нее используется краткая вводная часть, а также подразделение на три основных раздела (в каждый из которых помещены положения, носящие общий характер): 1) о субъекте (*personas*) – правовом положении субъектов права, 2) об объекте (*res*) – объектах права и соответствующих им имущественных правах и 3) об отношении (*actiones*) – порядке реализации и защите прав (причем традиционно в нее включались правила как материально-правового, так и процессуального характера). В частности, ФГК состоит из Вводного титула об опубликовании, действии и применении закона, а также трех книг: «О лицах», «Об имуществах и различных видоизменениях собственности» и «О различных способах приобретения права собственности». Примечательно, что третья книга ФГК изложена по пандектной системе, предполагающей выделение общей и нескольких специальных частей[28]. Составляющие кодекса – обычно это разделы и главы – делятся на разделы и главы, которые соответствуют основным обособленным группам юридических норм – подотраслям, институтам, подинститутам права.

Одной из отличительных особенностей французской методики кодификации является то, что кодексы создаются с таким расчетом, чтобы исключить использование иных источников права для регулирования соответствующей сферы отношений. Иными словами, создаваемый **кодификационный акт должен содержать разноотраслевое регулирование** , полностью «закрывающее» потребность в юридическом нормировании всего комплекса отношений в соответствующей области. В связи с этим за французским законодательством усматривается следующая особенность: «…системные комплексные акты законодательства, создаваемые во Франции и иных государствах, применяющих схожую законодательную технику, остаются доминирующими; иных законов (и вообще нормативных правовых актов), кроме кодификационных, сравнительно немного»[29]. Ярким примером этого и выступает Кодекс интеллектуальной собственности, которому посвящен следующий параграф настоящей работы.

---

[26] Там же. С. 77.

[27] *Гай*. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского. М.: Юристъ, 1997 // URL: http:// ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446001000

[28] На это обращает внимание Н.А. Какоурова со ссылкой на вклад в разработку кодекса французских исследователей Пандектов Юстиниана – Ф. Буржона. Р.Ж. Потье, К.Ж. Оливье (см.: *Какоурова Н.А*. Указ. соч. С. 13).

[29] *Чухвичев Д.В*. Указ соч. С. 79.

Примечательно, что французский метод кодификации в советский период права использовался для кодификации сравнительно небольших и слабо научно разработанных комплексов правовых норм (законодательство о браке и семье, законодательство о труде). Но затем, как подчеркивает Д.В. Чухвичев, ситуация изменилась: «С середины 90-х годов XX в. приемы и способы французской методологии применяются регулярно уже при кодификации достаточно больших отраслей права: при создании Таможенного кодекса, Трудового кодекса (а трудовые отношения в условиях многоукладной экономики и рыночных отношений гораздо более сложны, чем в советские времена) и некоторых иных кодификационных актов. Это наглядно отражается в формулировании статей, структурировании кодексов и т. д.» [30].

Доктринальные основы кодификации законодательства в Германии

А.М. Михайлов подчеркивает: «…романо-германская кодификация – это не только представляемая как наиболее совершенная в техническом отношении рациональная форма систематизации нормативного массива, но и форма целенаправленного правотворчества, т. е. в большей или меньшей степени манифестация качественного разрыва с прошлым. Кодекс отменяет все или большую часть законодательных актов прошлого и потому основывается на идее дискретного юридического развития (есть период «до» и период «после» введения в силу кодекса)»[31]. Это утверждение особенно верно в отношении ГГУ[32], который, как известно, представляет собой наиболее масштабную кодификацию гражданского законодательства конца XIX в., осуществленную в государстве, где на момент ее проведения насчитывалось более 30 партикулярных правовых систем (к числу источников права, регулирующих гражданские отношения, относились, в частности, римское право, общее право (*Gemeines Recht*), датское гражданское право, прусское земское и баварское земское право, ФГК, австрийский гражданский кодекс, саксонский гражданский кодекс, городское право Бремена и Гамбурга и т. д.).

В целях настоящей работы представляется более чем полезным обозначить особенности методики кодификации законодательства в Германии, серьезно отличающие ее от методики кодификации законодательства во Франции.

Прежде всего следует отметить, что для кодификационных актов Германии характерна **пандектная система расположения норм**, восходящая к пандектной систематизации источников римского частного права (прежде всего Дигестам (Пандектам) Юстиниана[33]). Применительно к ГГУ (1896) это проявилось в выделении *общей* и *особенных* (специальных)

---

[30] *Чухвичев Д.В.* Указ соч. С. 80.

[31] *Михайлов А.М.* Универсальные пути правогенеза: немецкая историческая школа права и семья общего права // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 55.

[32] Именование Гражданского кодекса Германии как Гражданского уложения, конечно, не совсем верно. В частности, В.А. Богоненко пишет в связи с этим следующее: «Относительно названия самого кодифицированного акта Германии следует исходить из буквального перевода с немецкого (аббревиатура *BGB*) как кодекс или свод законов (*Gesétzbuch*). Встречающееся чаще всего в русскоязычной юридической литературе словосочетание ГГУ (Германское гражданское уложение) происходит из того периода истории русской юридической терминологии, когда своды законов именовались уложениями, например, Уложение Иоанна III (1498 г.) или более известное Уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.). Сами современники: известные немецкие юристы Виндшейд, Планк, Гирке, Бэр и др., а также знаменитые русские профессора-правоведы Дювернуа, Шершеневич и др. называли немецкий кодифицированный акт не иначе как кодекс» (*Богоненко В.А.* Опыт кодификационного нормотворчества в гражданском праве (на примере Германии) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 130).

[33] Дигесты разделены на 50 книг, львиную долю которых составляют сочинения известнейших юристов того времени – Гая, Модестина, Павла, Папиниана, Ульпиана. Тематически книги подразделяются следующим образом: книга 1 – общие понятия, история источников права, учреждения и лица с их правосубъектностью и дееспособностью; книги 2–4 – суд, судебный процесс, иски; книги 5–11 – наследство и имущественные отношения; книги 12–19 – купля-продажа; книги 20–22 – залоговое право; книги 23–25 – имущественные отношения супругов; книги 26 и 27 – опека и попечительство; книги 28–39 – завещания, наследование по закону; книга 40 – о рабстве; книги 45–46 – вербальные контракты; книги 47–48 – «страшные»: о преступлениях и наказаниях, книга 50 – разъяснение терминов и некоторых общих понятий.

частей, четком обособлении вещных прав от обязательственных, а также в разделении материальных и процессуальных норм. ФГК, как указывалось, был построен на иной – *институционной* системе, которая не предусматривает разграничение на общую и особенные части, а предполагает разграничение кодификационного акта на три основных раздела: о субъектах права, об объектах права и отношениях по поводу этих объектов.

Д.В. Чухвичев обращает внимание на следующие черты общей и особенной частей германских кодексов: «Общая служит для концентрированного выражения общих положений, которые, таким образом, оказываются логически связанными со всеми непосредственными предписаниями, сосредоточенными в особенной части, и не ассоциируются в сознании субъектов правового регулирования с какими-то отдельными случаями» [34]. Т.В. Гавашели в развитие сказанного подчеркивает: «Такая структура позволяет обеспечить единство общих положений и более тесную логическую связь между ними… Положения, изложенные в общей части кодекса, выступают как базовые начала не только для самого кодекса, но и для иных нормативных правовых актов, регулирующих схожие отношения» [35].

Особенностью германского метода кодификации признается следующее: «Создание кодекса на основе исследуемой германской методики предполагает возможность и даже необходимость существования иных, кроме кодекса, законодательных актов, дополняющих и конкретизирующих этот кодекс. Именно такие законы (и иные нормативные правовые акты) делают предписания кодекса более полными и более конкретными, исчерпывающе определенными для непосредственного установления поведения субъектов правоотношений. Кодекс в таких условиях выступает не как единственный или доминирующий в определенной области, а как базовый источник права, не исчерпывающий, а направляющий правовое регулирование соответствующей сферы общественных отношений» [36].

Германские правоведы, разрабатывающие и применяющие на практике методологию кодификации, основываются на возобладавшей в германской правовой доктрине позиции о невозможности точной и полной регламентации законодательных предписаний в форме, которая была бы доступна для правильного, точного и исчерпывающе полного понимания *всеми без исключения членами общества* [37]. Они исходят из невозможности единого толкования законодательных норм, даже если эти нормы будут изложены максимально просто (исходя из того, что члены общества имеют разный уровень правосознания и правовой культуры, а также знаний в области права). Д.В. Чухвичев в связи с этим пишет: «Признавая важность и желательность доступности текста нормативных правовых актов, они (кодификаторы. – *Прим. М.Р.*) тем не менее подчеркивали, что это обычно входит в противоречие с точностью осуществляемого законом правового регулирования. Снятие такого противоречия, по их мнению, должно быть осуществлено в пользу точности, а не понятности [38]. Стремление к достижению доступности для всеобщего создания нормативно-правовых предписаний, по их мнению, не только бесперспективно, но и вредно, так как влечет за собой такие пороки законодательства, как противоречивость, отсутствие внутреннего логического единства нормативных правовых актов, отсутствие смысловой связи между отдельными элементами законодательства, быстрое устаревание нормативных правовых актов» [39].

---

[34] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 158–159.

[35] *Гавашели Т.В.* Систематизация законодательства в Германии // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 31.

[36] См.: *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа. С. 159.

[37] Об этом пишет Д.В. Чухвичев со ссылкой на работы: *Dolle H.* Von Stil der Rechtssprache. Tubingen, 1949; *Girke O.* Der Entwurf BGB ist das deutsche Recht. Berlin, 1889; *Kindermann H.* Die Rechtlinien der Gesetzestechnik. Berlin, 1978; *Haney G.* Grundlagen der Theorie des Sozialistics; и др. (*Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа. С. 157).

[38] *Kindermann H.* Die Rechtlinien der Gesetzestachnik. Berlin, 1978. S. 25–26.

[39] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа. С. 157.

Это объясняет, почему использование германской методики кодификации при формулировке законодательных предписаний предполагает опору на **положения правовых концепций**, обоснованных в науке и подтвержденных практикой либо взятых из практики и обобщенных теоретически: «Кодификаторы используют для формирования предписаний большое количество научно обоснованных общих положений (общих принципов правового регулирования, специальных юридических терминов, юридических конструкций), на которых делается основной упор как на средствах более полного и точного выражения в тексте кодекса нормативно-правовых предписаний… *Кодекс, создаваемый по германской методике, выступает как основная форма нормативного выражения и формального закрепления научно-правовых концепций* (курсив мой. – *М.Р.*)… причем весьма важно, чтобы научные разработки в регулируемой сфере… имели бы давнюю историю, чтобы количество научных разработок было бы большим, чтобы истинность основных научных заключений, которые предполагается использовать в качестве базы сформулированных общих положений кодекса, была бы проверена временем, подтверждена практикой правового регулирования, критикой научных оппонентов, многократным осмыслением и переосмыслением (которые могут осуществляться как авторами этих концепций, их сторонниками, так и противниками)»[40].

Вследствие сказанного германская методика кодификации применяется в тех случаях, когда систематизируются нормы старейших отраслей права, которые характеризуются наличием правовых доктрин и концепций, имеющих серьезное научное обоснование и глубокую, качественную проработку. Например, эта методика была использована при создании российских Уголовного и Гражданского кодексов.

С учетом использования доктринальных разработок и правовых концепций в качестве базы для норм германские кодификационные акты (в том числе ГГУ) изложены весьма сложным, абстрактным языком, так как рассчитаны не на простых граждан, а на правоведов, работающих в кодифицируемой сфере правового регулирования.

В связи с этим в специальных указаниях о языке закона, изданных Германским императорским министерством внутренних дел, указывалось: «Современный кодекс не может быть понятным для любого лица в любом отношении, не говоря уже вовсе о том, что он не может открыть всю глубину своего идейного содержания неопытному читателю»[41]. В этом проявилось отступление германских кодификаторов от общего правила изложения текстов законов, сформулированного еще в эпоху возрождения Т. Мором, Ф. Бэконом и Т. Кампанеллой: «… закон должен быть простым. Он должен состоять из небольшого количества законоположений – ясных, общедоступных и зафиксированных в письменных виде – которые могут быть доступны и понятны не только юристам-профессионалам, но также и их конченым адресатам»[42].

Именно поэтому, характеризуя результат кодификации германского гражданского права, К. Цвайгерт и Х. Кётц подчеркивают: «ГГУ… – дитя немецкого пандектного права и его глубокомысленной, точной и абстрактной учености… Он обращен не к гражданам, а к экспертам права. Он труден для восприятия и понимания, лишен просветительского воздействия на читателя, поскольку в нем отсутствует наглядность и конкретность в подходе к предмету регулирования. Наоборот, материал изложен языком абстрактных понятий, который должен казаться непрофессионалу, а часто и иностранному юристу, во многом непонятным…»[43]. Этим

---

[40] Там же.

[41] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа. С. 158.

[42] *Canale D.* The Many Faces of the Codification of Law in Modern Continental Europe // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 9: A History of the Philosophy of Law in the Civil Law World, 1600–1900. Springer, 2009. P. 137 (цит. по: *Дудырев Ф.Ф.* Формирование юридической техники в процессе кодификации законодательства стран Западной Европы в XVIII – начале XIX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 2. С. 9).

[43] *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1: Основы: пер. с нем.

ГГУ принципиально отличается от ФГК, названного польским правоведом В. Володкевичем «мечтой Просвещенного века… нового права – ясного, понятного для простых людей, которое не нуждалось бы в софистических толкованиях профессиональных юристов»[44].

Примечательно, что первоначально разработанный проект ГГУ был отвергнут из-за чрезмерного заимствования римского права, а также изложения материала скорее в стиле учебника, что подтверждало и включение в его текст многочисленных определений юридических институтов и категорий. По этому поводу Й. Колер отмечал: «Представленный комиссией проект вышел поэтому в высшей степени неудовлетворительным, нежизненным, бесцветным, отвлеченным, по способу своего изложения почти непонятным… Еще хуже дело обстояло с мотивами, которые были в высшей степени недостаточны и бедны творческими мыслями…»[45].

Характерная черта действующего ГГУ – *отсутствие общих юридических определений*, причем в различных комментариях к Уложению с опорой на известную сентенцию Яволена: «всякая дефиниция в гражданском праве опасна, ибо мало такого, что не могло бы быть опровергнуто»[46] нередко подчеркивается, что выработка определений – дело, опасное для законодателя. По этому поводу Франц Бернхефт пишет: «Определения часто бывают неверными вследствие трудности найти выражение, способное охватить данное явление во всех его направлениях. В старом торговом уложении, которое принадлежит к лучшим образцам законодательства, даже определение слова «купец» (следовательно, основного понятия) было совершенно неточно с точки зрения установления круга лиц, охватываемых этим понятием. В таких случаях определения, конечно, не обязывают, но раз они внесены в закон, их, естественно, гораздо труднее устранить при практическом применении права, чем тогда, когда они были установлены каким-либо ученым. Юридические конструкции тоже должны были по возможности отсутствовать в законе. И они могут быть неправильными, так как законодатель может иногда ошибаться, и эти конструкции, разумеется, не имеют силы, но при их наличности большей частью бывает сомнительно, не скрывается ли под неверной идеей приказание, которое, естественно, само по себе обязывает»[47].

Особенностью германской методики кодификации является также то, что кодификаторы нередко ограничиваются **формулировкой общих правил**, оставляя широкий простор для толкования норм правоприменителями: «Они (кодификаторы. – *Прим. М.Р.*) полагают, что в ходе законотворчества, разработки текста закона (в особенности кодификационного) особое внимание следует уделять формулировке общих принципиальных положений, представив правоприменительным органам (и в первую очередь судам) некоторую возможность их толкования в приложении к конкретным случаям. Высказывается мнение, что детальный закон, подробно устанавливающий права и обязанности участников правоотношений, не может урегулировать весь сложный комплекс общественных отношений с исчерпывающей полнотой, что *позитивизм* (под которым понимается «детальное регулирование в законе всевозможных единичных случаев»[48]) в сочетании с невозможностью широкого и свободного толкования норма-

---

М.: Междунар. отношения, 2000. С. 222.

[44] *Володкевич В.* Римское право и идеи кодификации в XVIII веке // Цивилистические исследования: ежегодник гражданского права / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. Вып. 2 (2005). М., 2006. С. 112.

[45] *Колер Й.* Современное гражданское право Германии // Гражданское право Германии: хрестоматия избранных произведений Франца Бернхефта и Йозефа Колера / сост. Р.С. Куракин, Е.В. Семенова / пер. с нем. В.М. Нечаева. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014. С. 44.

[46] Цит. по: *Липшиц Е.Э.* Юридические школы и развитие правоведческой науки // Культура Византии. IV – первая половина VII в. / отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 367.

[47] *Бернхефт Ф.* Гражданское уложение Германской империи в процессе его образования // Гражданское право Германии: Хрестоматия избранных произведений Франца Бернхефта и Йозефа Колера. С. 22.

[48] *Экштайн К.* Законодательная техника. Регулировать детально или ограничиться общими принципами? // Вестник публичного права. 2003. № 2. С. 5.

тивно-правовых актов ведет к перегруженности законотворческих органов работой, к бессистемности, казуальности и ущербности правового регулирования» [49].

Примечательно также то, что в отличие от французской германская кодификационная методика предполагает использование не двух методов толкования правовых норм кодекса – *лингвистического* и *логического*, а трех: «…широко применяется специально-юридический (научный) метод толкования, основанный на специальных профессиональных знаниях юридической науки и законодательной техники, предполагающий… знания специальной юридической терминологии, а также основных научно-правовых концепций, используемых авторами таких кодексов»[50].

В завершение можно заметить, что в законодательных предписаниях германских кодексов наряду со специальной терминологией зачастую используются категории *социального и этического (морального) содержания* наподобие «добрая совесть», «добрые нравы», «злоупотребление правом». Этот подход неоднократно становился предметом критики, но на самом деле за ним скрывается точность юридического языка, характерная для высокой юридической техники. В связи с этим К. Цвайгерт и Х. Кётц подчеркивают: «…у опытного эксперта, постоянно работающего с ГГУ, в конце концов появляется чувство восхищения этим кодексом, поскольку ему открывается скрытая красота точности и строгости мысли. Такие понятия, как «распоряжение» (*Verfgung*), «доверенность» (*Vollmacht*), «предварительное согласие» (*Einwilligung*), «незамедлительно» (*unverzglich*), «добросовестно» (*in gutem Glauben*) и многие другие, применяются авторами закона по всему тексту с одинаковой точностью и в одном и том же смысле»[51].

Доктринальные основы кодификации законодательства в России

В отечественных трудах по теории права дореволюционного периода можно обнаружить четкое разграничение «систематической обработки действующего законодательства» на две разновидности – **инкорпорацию** и **кодификацию**. Различия между ними Е.Н. Трубецкой описывает так: «Инкорпорация представляет такую обработку законодательства, которая не вносит в нее никаких новых начал. Это – внешняя систематическая обработка действующих узаконений, которая облегчает пользование ими, располагает их в систематическом порядке, но оставляет без изменений их внутреннее содержание… Под кодификацией разумеется такая обработка действующего права, которая не ограничивается приведением его в порядок, но вносит в него внутреннюю связь и единство… кодификация, напротив, строит все законодательство на однородных началах, заботится о единстве и цельности его. Кодификатор не ограничивается собранием действующих законов, а из целой массы существующих законов он должен сделать выбор и отбросить все, что противоречит основаниям его системы»[52]. Аналогичные мысли по поводу кодификации высказывал Н.М. Коркунов: «Кодификация не ограничивается изменением только формы, она дает систематическое объединение и содержание. Кодекс является не только новой формой старого закона, а новым законом в полном смысле слова»[53].

Схожий подход к пониманию кодификации можно найти у Г.Ф. Шершеневича, который в качестве сущностной особенности кодификации называет «наполнение законодательства новым содержанием с помощью замены старых законов новыми, восполнения прежних

---

[49] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа. С. 157.

[50] Там же. С. 158.

[51] *Цвайгерт К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 222.

[52] *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1999. С. 124.

[53] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1893. С. 305.

пробелов, устранения накопившихся противоречий»[54]. Иные виды систематизации законодательства, по мнению Г.Ф. Шершеневича, предполагают изменение лишь формы законодательства, а не его содержания[55].

В связи с этим упоминавшийся Свод законов Российской империи, признаваемый в современной французской доктрине дерзкой по размаху *кодификацией* (в форме компиляций), в российском праве рассматривается как классический пример *инкорпорации* – как «собрание узаконений Российской империи в систематическом порядке, но без всякого изменения их существа»[56].

Примечательно, что Свод законов, серьезно критикуемый в свое время за несовершенство законодательной техники[57], на самом деле стал первым актом, при работе над которым впервые были применены правила составления свода законов, основанные на методике, разработанной Ф. Бэконом[58]. Среди основных правил этой методики выделяют следующие: «статьи, основанные на одном нормативном правовом акте, излагать теми же словами без изменений; статьи, основанные на нескольких актах, излагать словами наиболее важного и объемного из них с дополнениями и пояснениями из других актов; каждая статья должна содержать информацию о законах и подзаконных актах, на которых она основана; в случае коллизии основывать статью на более позднем; многосложные тексты сокращать, упрощать, делать понятными без специальных разъяснений»[59].

В современной отечественной теории права «прижилось» понимание систематизации законодательства как деятельности по приведению нормативных правовых актов в единую, упорядоченную систему[60], приведению «разрозненных актов в единое целое»[61]. В то же время в литературе признается: «…главной проблемой законодательной техники, и в том числе техники кодификации, в современной России остается отсутствие единых и комплексных научных концепций о технике законотворчества… Не разработана и техника систематизации уже имеющегося нормативного правового материала, что сильно затрудняет совершенствование законодательства»[62].

Для российских правоведов устоявшимся является выделение в качестве разновидности систематизации *кодификации*, под которой понимается существенное изменение нормативных правовых актов, объединение их воедино с устранением противоречий и несогласованности, восполнением пробелов в регулировании, заменой устаревших норм новыми («содержатель-

---

[54] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 2. М., 1911 // URL: https://naukaprava.ru/

[55] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 2. М., 1911 // URL: https://naukaprava.ru/

[56] *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. С. 124.

[57] Л.И Петражицкий не скупился на критику Свода законов: «И с точки зрения законодательной техники… содержание Свода весьма неудовлетворительно. В нем, в частности, в области имущественного и иного гражданского права имеется множество пробелов, отсутствие позитивного нормирования и решения множества таких вопросов, которые настоятельно требуют точного позитивного нормирования и определенного решения; вместо точно определенных понятий и терминов с определенным и в разных частях системы неизменным содержанием господствует применение слов и выражений, имеющих недостаточно определенный, подчас весьма растяжимый и в разных частях изложения неодинаковый смысл; разные неясности, противоречия, лишнее многословие, включение разных посторонних, не имеющих юридического значения элементов, например, нравственных, технических поучений, недостатки системы, мешающие ориентировке и осведомленности относительно действующего права и т. д., – представляют дальнейшие серьезные недостатки Свода в смысле несоответствия задачам унификации права» (*Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 495–496).

[58] См. об этом подробнее: *Иванов В.С.* Правила М.М. Сперанского по составлению Свода законов Российской империи // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 337–338.

[59] *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учебное пособ. М.: 2012 // http://topuch. ru/zakonodatelenaya-tehnika-uchebnoe-posobie-moskva-2010-chuhvich/index27.html

[60] Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003. С. 30.

[61] *Васильева Ю.В.* Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

[62] См.: *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Французская школа. С. 76.

ная систематизация»[63]). Другим видом систематизации традиционно признается *инкорпорация* – простая компиляция или размещение нормативных правовых актов в соответствии с определенным критерием (в хронологическом порядке или в зависимости от предмета правового регулирования), производимое нередко с некоторым изменением формы правовых норм и преследующее цель облегчить пользование законодательством («достаточно поверхностная, внешняя систематизация»[64]).

С XX в. в качестве третьей разновидности систематизации законодательства стала указываться *консолидация*, хотя единой позиции относительно обоснованности ее выделения в качестве самостоятельного вида систематизации еще не сформировалось. Обращают на себя внимание явно недостаточная четкость границ между категориями «кодификация», «консолидация» и «инкорпорация», а также очевидная неясность содержания понятия «консолидация». Так, в одних работах консолидация рассматривается как особая разновидность (прием, форма и т. д.), вид инкорпорации[65], в других – утверждается, что это лишь технический прием, используемый при систематизации законодательства (наравне с учетом) [66]; иногда отмечаются общность инкорпорации и консолидации, которые от кодификации отличает внешний характер переработки норм, отсутствие внесения в них изменений[67]; высказывается и идея о том, что «консолидация права представляет собой нечто среднее между кодификацией и инкорпорацией, когда несколько законов объединяются в один, а повторы и противоречия устраняются»[68]; встречаются и указания на то, что инкорпорацию от консолидации отличает лишь то, что в первом случае объединенные акты сохраняют свое самостоятельное значение, а во втором – утрачивают[69]; предлагается понимание консолидации как деятельности, «в ходе которой нормативные правовые акты не просто размещаются в определенном порядке, но излагаются при этом только в действующей редакции»[70]. То есть понимание содержания понятия «консолидация» на сегодняшний день в отечественной доктрине явно не сформировалось и нуждается в дальнейших исследованиях[71].

---

[63] См., например: *Алексеев С.С.* Советское право как система: Методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7. С. 15. Более того, ряд авторов вообще выводит кодификацию за рамки разновидностей систематизации. Например, В.К. Бабаев считает, что «кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой самостоятельную, причем основную форму совершенствования законодательства» (*Бабаев В.К.* Кодификация и систематизация нормативно-правовых актов // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 331–332), а А.С. Пиголкин высказывается в том духе, что «кодификация – это форма правотворчества» (Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003 (автор главы – А.С. Пиголкин)). С этой позицией не согласен Д.В. Чухвичев, призывающий рассматривать кодификацию как вид систематизации законодательства, являющийся не только методом совершенствования законодательства, но и формой законотворчества (*Чухвичев Д.В.* Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // Государство и право. 2009. № 8. С. 5).

[64] См., например: *Лившиц Р.З.* Теория права: учебник. М.: БЕК, 2001. С. 121.

[65] См., например: *Керимов Д.А.* Кодификация и законодательная техника. М.: Госюриздат, 1962. С. 30; *Шебанов А.Ф.* Подготовка Свода законов Советского государства и юридическая наука // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 63–65.

[66] См., например: *Ваньков А.В., Реутов В.П.* К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3. С. 16–20.

[67] См., например: *Давыдова М.А.* Роль учета и систематизации нормативно-правовых актов в обеспечении их правового качества // Академический юридический журнал. 2007. № 2 (28). С. 43.

[68] *Сорокин В.В.* О систематизации переходного законодательства // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 61.

[69] Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009.

[70] *Борзунова О.А.* Кодификация налогового законодательства России: научн. – практ. аспекты. М.: Юстицинформ, 2010.

[71] В зарубежной доктрине понятие *консолидация* нередко используется для обозначения объединения в едином документе нормативного акта и всех последующих поправок к нему с указанием всех реквизитов предыдущих актов (*Wim Voermans, Chris Moll, Nico Florijn, Peter Van Lochem*. Codification and Consolidation in the European Union: A Means to Untie Red Tape. Statute Law Rev (2008) 29 (2): 65–81 // URL: https://academic.oup.com/ slr/article-abstract/29/2/65/1650939). И, например, в пояснительной записке Совета Европейского Союза о понятии кодификации и консолидации на уровне ЕС подчеркивалось, что консолидация не предполагает издание нового законодательного акта, а консолидированный акт сам по себе не обладает юридической силой (COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION. From: General Secretariat of the Council. To: Working Party on e-Law (e-Law). Concept of codification and consolidation at the EU level Explanatory note. Brussels, 23 June 2014 (OR. en) 11011/14 LIMITE JURINFO 27 JAI 554 // URL: http://www. statewatch.org/news/2014/jul/eu-council-codification-consolidation-11011-14.pdf); применительно же

В условиях отраслевого деления российского законодательства (основанием которого является Указ Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 «О классификаторе правовых актов») деятельность по кодификации нередко рассматривается как требующая осуществления *в строго обозначенной отрасли права*.

Вместе с тем российская наука на сегодняшний день допускает не только **отраслевую**, но и **комплексную (межотраслевую) кодификацию** («Вопрос о возможности и необходимости комплексной кодификации в целом решен положительно»[72]), примерами которой являются, в частности, Кодекс торгового мореплавания, Воздушный кодекс, Устав железных дорог, Устав внутреннего водного транспорта и т. д.[73] Правда, следует признать, что характерные особенности *комплексных (межотраслевых)* кодификационных актов в отечественной доктрине пока не слишком разработаны, тогда как характерные черты *отраслевых* кодификационных актов получили значительное освещение в литературе[74].

В целом же можно говорить об отходе от прежней отечественной традиции кодификации *по строго отраслевому принципу* в сторону *комплексной кодификации*, которая по своему духу гораздо ближе к французскому методу кодификации в форме компиляций (в соответствии с новейшей концепцией, о которой говорилось ранее). При этом, несмотря на появление значительного числа кодификационных актов комплексного характера (комплексных кодексов), одни правоведы не считают правильным вывод, согласно которому комплексная кодификация пришла на смену кодификации в рамках существующих отраслей права, ссылаясь на следующее: «Общее число отраслей права… всегда меньше числа отраслей… которые служат предметом комплексных образований законодательства»[75]. Другие же подчеркивают, что расширение практики принятия комплексных кодексов является одним из возможных путей современного процесса кодификации[76].

В развитие сказанного следует упомянуть значимость разграничения *комплексных отраслей* **права** и *комплексных отраслей* **законодательства**. Причем, надо отметить, если

к кодификации в пояснительной записке указывалось, что официальная кодификация предполагает отмену соответствующим органом предыдущих нормативных актов и их замену единым новым.

[72] *Рузанова В.Д.* Кодификация и юридическая сила отраслевого кодификационного нормативного акта // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): к 175-летию Свода законов Российской империи: материалы международного круглого стола / Институт государства и права РАН (Москва, 18–19 января 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. Н. Новгород, 2008. С. 345.

[73] Надо сказать, что в литературе высказываются мнения о том, что в системе отечественного законодательства сегодня встречаются кодификационные акты, которые соответствуют не отраслям, а **подотраслям** законодательства, в качестве примеров называют то же водное, лесное, воздушное право (см., например: *Головина А.А.* К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении // Право и государство: теория и практика. 2011. № 6. С. 30–34).

[74] Так, С.С. Алексеев, анализируя свойства отраслевого кодификационного акта, подчеркивает: «Кодифицированные акты – это не просто результат систематизации юридических норм, но прежде всего результат одного из важнейших видов правотворчества, существенной отличительной чертой которого являются нормативные обобщения, формулирование общих норм. Общие нормы, выраженные в кодифицированном акте, закрепляют юридические особенности данной отрасли, подотрасли, правового института. А это и придает особую юридическую силу кодификационным актам» (*Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 55). В.А. Рыбаков относит к особенностям отраслевых кодексов следующие характерные черты: «а) полнота регулирования отношений; б) единообразие регулирования; в) закрепление основных юридических принципов, понятий и конструкций; г) отражение крупных юридических теорий и концепций; д) лидирующее место среди иных законов и особое воздействие на все правовые акты и процесс применения» (*Рыбаков В.А.* Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 44). В свою очередь Т.Н. Рахманина обращает внимание на другие признаки отраслевого кодификационного акта: «Это – сводный, систематизированный нормативный акт, отличающийся, как правило, большим объемом, сложной структурой и высокой степенью обобщенности нормативного материала» (*Рахманина Т.Н.* Кодификационный акт в системе нормативных актов // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. М., 1978. № 13. С. 18).

[75] *Поленина С.В.* Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 35.

[76] *Абрамова А.И.* Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 32.

выделение комплексных отраслей законодательства возражений не вызывает, то до настоящего времени нет единства мнений в отношении выделения собственно комплексной отрасли права.

В.К. Райхер, выдвинувший еще в 1947 г. идею существования основных и комплексных отраслей права, подчеркивал, что комплексные отрасли права должны соответствовать следующим условиям: «Во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм была адекватна определенному и специфическому кругу общественных отношений, т. е. сначала имела бы в этом смысле единый и самостоятельный предмет регулирования, а следовательно, и предметное единство. Во-вторых, регулируемый такой совокупностью норм специфический круг отношений должен обладать достаточно крупной общественной значимостью. В-третьих, образующийся такой совокупностью нормативно-правовой материал должен отличаться достаточно обширным объемом»[77].

Эта идея вначале вызвала бурное обсуждение в научных кругах[78], но затем была забыта и длительное время не получала развития. Однако с того времени под *основными* (главными, профилирующими) отраслями права понимается, в частности, гражданское, административное, уголовное право, под *комплексными* (специфическими) – банковское, аграрное, морское и т. д.

В литературе высказывается мнение о том, что на сегодняшний день превалирует следующая позиция: «…комплексная отрасль права должна содержать в себе предметное ядро, т. е. такие общественные отношения, которые, хотя и регулируются нормами основных отраслей права, но однозначно нельзя сказать, что они принадлежат первичным отраслям, а обладают консолидирующим началом предметного свойства… Нормы, регулирующие эти правоотношения, принадлежат различным отраслям права и, наряду с этим, объединяются в новую правовую общность, которая не является механическим объединением разнопорядковых норм, а приобретает внутреннюю взаимность, системность и качество, начинают функционировать с позиции принципов, категорий и понятий новой отрасли права»[79].

В связи со сказанным издание *комплексного* кодификационного акта – не только предпосылка для становления комплексной отрасли права, но и подтверждение существования комплексной отрасли законодательства. Например, Е.А. Юртаева пишет: «Кодекс издается для того, чтобы систематизировать, кодифицировать (при накоплении «критической» массы норм в какой-либо сфере законодательного регулирования) совокупность норм, которая институи-

---

[77] *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 189–190.

[78] Ю.К. Толстой, поддержавший идею В.К. Райхера, в свое время отмечал, что комплексные отрасли права, в отличие от основных, никакого места в системе права не занимают, а им отводится лишь условное место в зависимости от целей систематизации при систематике норм (см.: *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–45). Причем Ю.К. Толстой, разграничивая основные и комплексные отрасли, подчеркивал, что основная отрасль обладает предметным единством, а комплексная регулирует разнородные отношения; основные отрасли не включают нормы других отраслей права, тогда как комплексная отрасль как раз состоит из норм различных (основных) отраслей права; каждой основной отрасли присущ свой специфический метод регулирования, а применительно к комплексной можно говорить об использовании методов регулирования разных отраслей права (см. там же. С. 45; *Он же*. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965): автореф. дис… докт. юрид. наук. Л., 1970. С. 12). С.С. Алексеев изначально выступал против выделения комплексных отраслей права: «Если оставаться в пределах фактов реальной действительности, если, следовательно, не заниматься произвольным конструированием комплексных отраслей, то нельзя не признать, что все те совокупности норм, которые в литературе причислялись к комплексным отраслям (транспортное право, морское право, страховое право, банковское право и др.), на самом деле не являются подразделениями объективно существующей системы права. Все они относятся либо к отраслям законодательства, либо к отраслям правовой науки» (*Алексеев С.С.* Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. С. 93–101). Однако затем он изменил свою позицию, высказавшись за допустимость выделения и возможность сочетания основных (первичных) и комплексных (вторичных) отраслей права и согласившись с тем, что использование категории комплексной отрасли права «позволяет осветить механизм воздействия на систему права субъективного фактора, развития законодательства» (*Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 142–148).

[79] *Коваленко А.Ю.* Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 4.

рует данную группу норм в качестве отрасли законодательства»[80]. С учетом этого В.Д. Рузанова делает следующий вывод: «Таким образом, кодификация – это не только переработка (внутренняя и внешняя) и объединение нормативного материала, но и процесс формирования нормативных обобщений. Включение названных обобщений в кодификационный акт «сообщает» ему такой уровень регулирующего воздействия, который позволяет этому акту возглавить ту или иную отрасль законодательства»[81].

Вряд ли встретит всеобщую поддержку утверждение, что *право интеллектуальной собственности* следует относить к числу *комплексных отраслей* **права**.

Общественные отношения *по поводу интеллектуальной собственности*, являясь весьма специфическим «предметным ядром»[82] и не допуская их квалификации исключительно как гражданско-правовых, по своему содержанию и значимости, бесспорно, требуют обособленного регулирования. Право интеллектуальной собственности складывается из норм основных отраслей права (гражданское, административное, уголовное), но содержит и нормы, присущие именно этой отрасли (например, нормы-принципы, нормы-дефиниции).

В то же время на сегодняшний день под правом интеллектуальной собственности обычно понимают осуществленное в рамках ГК РФ объединение норм (в большей степени механическое – см. об этом § 1.4 настоящей работы), которое не может характеризоваться как качественно новое правовое образование. В таких условиях действительно рано говорить о существовании права интеллектуальной собственности как *комплексной отрасли* **права,** но уже явно неверно рассматривать право интеллектуальной собственности как *подотрасль гражданского права* – со всей очевидностью следует признать его *комплексной отраслью* **законодательства**, развитие которой сопряжено с известными трудностями: «Любая комплексная отрасль представляет собой проблему с точки зрения определения предмета и методов регулирования. Кроме того, появляется много новых отношений, которые требуют своего регулирования, идет постоянное сочетание частноправовых и публично-правовых методов в различных комбинациях…»[83].

Вообще существование подобных проблем, связанных с отраслевым подразделением законодательства, отличает российскую методу кодификации от французской, где отсутствует *нормативная регламентация* деления законодательства на отрасли. Здесь же нельзя не вспомнить и еще одно отличие, на которое обращает внимание Л.В. Головко: «В российской науке… кодекс – это исключительно новый закон, официально названный «кодексом» законодателем. Цель кодификации здесь уходит на второй план, иногда вовсе исчезая, а на первый план выдвигается именно формальный момент: назвал ли законодатель источник права кодексом (исторически – уложением, уставом и т. д.) или не назвал. В такой ситуации, допустим, т. X Свода законов Российской империи мог внести сколь угодно колоссальный вклад в систематизацию российских гражданских законов, но он не был назван «кодексом» или «уложением», значит таковым не являлся, а если бы был назван… сразу таковым бы стал… парадоксальна оценка т. X и проекта Гражданского уложения как источников права, встречающаяся в русской дореволюционной доктрине: «в сравнении со Сводом законов гражданских Проект уложения представляет собой обширную кодификацию», и… буквально через несколько строк: «внешний порядок расположения материалов в Уложении заимствован из 1 ч. X т. Свода»[84]. Получается, что т. X и Проект едва ли не идентичны по форме, так почему же второй – кодификация, а

---

[80] *Юртаева Е.А.* Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 16.

[81] *Рузанова В.Д.* Кодификация и юридическая сила отраслевого кодификационного нормативного акта. С. 349.

[82] *Алексеев С.С.* Право: азбука, теория, философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 45.

[83] *Петров Д.А.* Право саморегулирования как комплексная отрасль права и законодательства // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2012. Вып. 4. С. 57.

[84] *Гуляев А.М.* Русское гражданское право. СПб., 1912. С. 13–14.

первый – нет? То, что Проект лучше, совершеннее, современнее, сомнений не вызывает, но качество содержания вряд ли может служить критерием разграничения «кодексов» и «некодексов». Вопрос в сугубо формальном моменте, т. е., по сути, в названии»[85].

Впрочем, мнение о значимости этого формального момента – именования кодексом в зарубежной литературе высказывалось не единожды. Например, французский антрополог права Н. Рулан, отмечая, что кодификация выступает операцией символического упорядочивания, подчеркивает: «Совершенно верно, что немалая доля авторитета кодекса держится не только на содержании его положений, но и на том простом факте, что он именуется кодексом. С идеей кодификации ассоциируются и следующие представления: кодифицированное право ясно, коммуникабельно, упорядочено, рационально. Эти представления, однако, часто бывают далеки от действительности»[86]. В развитие этого можно привести и мнение, высказанное отечественным автором: «…в настоящее время содержащийся в наименованиях достаточно большого числа статутов термин «кодекс», в сущности, имеет только лишь символьный, но не собственно содержательный характер»[87].

В качестве еще одного из недостатков систематизации (в том числе кодификации) отечественного законодательства на сегодняшний день признается чрезмерность количества **определений**, содержащихся в законодательных, включая кодификационные, актах: «законодатель… не смог удержать стремительно набирающее объем отечественное законодательство в рамках традиций континентальных систем права, не признающих изобилия дефинитивных норм. Понятийный аппарат при этом формировался столь же хаотично, следуя за стремительно развивающимся законодательством»[88].

Резюмируя, можно говорить о существовании разных подходов к пониманию деятельности по кодификации законодательства и ее результата, об отсутствии единства взглядов в отношении самой системы, методики и критериев кодификации: «Разница между французской и германской методиками проведения кодификаций заключается в том, что они предполагают различные пути достижения одной из главных целей проведения кодификации. Кодификаторы в ходе своей работы стремятся, в первую очередь… обеспечить полноту правового регулирования, сочетающуюся с ясностью, понятностью и доступностью предписаний для сознания их адресатов, с однозначностью толкования этого понимания всеми субъектами правового регулирования – это является необходимым условием эффективности правового регулирования, осуществляемого кодексом, его востребованности в правовом регулировании. Но достигается эта цель в различных правовых системах по-разному, различны приоритеты кодификаторов»[89].

Завершить настоящий параграф представляется правильным указанием на разнообразие способов систематизации (если пользоваться отечественной терминологией) законодательства об интеллектуальной собственности, к которым относятся:

1) создание отдельного кодекса интеллектуальной собственности (Франция (1992), Шри-Ланка (1979), Филиппины (1997));

2) систематизация норм об интеллектуальной собственности в гражданском кодексе (Россия (2008));

---

[85] *Головко Л.В.* Указ. соч. С. 18–19.

[86] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 202 (цит. по: *Михайлов А.* Ментальные предпосылки кодификации // https://blog.pravo.ru/blog/713.html).

[87] *Азми Д.М.* Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис… д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 21.

[88] *Апт Л.Ф.* Систематизация законодательства в современной России // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): к 175-летию Свода законов Российской империи: материалы международного круглого стола / Институт государства и права РАН (Москва, 18–19 января 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. С. 295.

[89] *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учеб. пособ. М., 2012.

3) систематизация норм об интеллектуальной собственности в иных кодексах (Бельгия (2014));

4) двухуровневая систематизация норм об интеллектуальной собственности в гражданском кодексе и специальных законах, в том числе в кодексах по отдельным институтам интеллектуальной собственности (большинство стран ЕС, СНГ);

5) принятие только специальных законов, в том числе кодексов по отдельным институтам, в сфере интеллектуальной собственности (некоторые государства СНГ и ЕС, Бразилия).

§ 1.2. Кодекс интеллектуальной собственности Франции

О становлении и развитии законодательства об интеллектуальной собственности во Франции

История развития законодательства об интеллектуальной собственности во Франции примечательна тем, что у истоков законодательных новаций во многих случаях стояли сами авторы произведений, – Гюго, Бомарше, Дидро не раз подчеркивали важность защиты произведений автора.

Как отмечает исследователь Патрик Таффоро, первыми в области интеллектуальной собственности во Франции были урегулированы договорные отношения, возникающие из заключаемых автором и издателем договоров[90]. В частности, было нормативно закреплено, что, передавая издателю рукопись, автор тем самым давал свое согласие на печатание определенного числа копий и за это получал определенный процент с продаж. П. Таффоро обращает внимание на то, что книгопечатание в тот период было процессом затратным и трудоемким (приобретение оборудования, изготовление тиража, распространение экземпляров), а потому и было возведено в разряд частных привилегий – не каждому удавалось такое осуществить[91]. В то время право публикации книг действительно предоставлялось сувереном как привилегия – на основании вывода о полезности того или иного плода творческого труда, и автор, чью книгу приняли к публикации, памятуя о вероятных рисках, старался предотвратить возможность изготовления незаконных копий, заключая эксклюзивной договор с издателем. Посему многие издательства (в основном столичные) крепко «держались» за переданные им на публикацию рукописи, возражая против их воспроизведения иными издательствами. Конфликт, возникший между французскими издательствами и достигший своего апогея в 1725 г., стал стимулом к разработке законодательного регулирования вопроса книгопечатания и прав авторов [92].

Примечательно, что в отличие от Англии, в которой число патентов увеличивалось в прямой связи с промышленной революцией, во Франции, где индустриализация началась несколько позднее, число патентов долгое время оставалось незначительным. Описывая этот период становления законодательства об интеллектуальной собственности, А. Минков отмечает: «Во Франции недоверие, выражавшееся в отношении любых препятствий свободе производства и торговли, вместе с невысокими результатами, обычно достигавшимися обладателями «патентных грамот», привело к тому, что по решению монарха все бенефициары теряли свои права, если они не применяли свои изобретения в течение одного года (декларация 1762 г.), а также к отклонению большого числа ходатайств о привилегиях»[93].

Элемент контроля за авторскими произведениями усилился во времена правления Франсуа I, когда, в частности, дарованию книгопечатной привилегии предшествовала строгая цензура, ведь «глаголом жечь сердца людей» можно иногда и с дурными намерениями. Взятое под крыло государства книгопечатание обрело дополнительное правило: привилегия предоставлялась на определенный срок (от двух до 20 лет), причем срок обычно был возобновляемым.

---

[90] *Tafforeau P.* Droit de la propriété intellectuelle, 2° éd. Gualino, 2007 // URL: https:// www.lgdj.fr/master-droit-de-la-propriete-intellectuelle-9782297039949.html

[91] Ibidem.

[92] *Deazley R., Kretschmer M., Bently L.* Privilege and Property: Essays on the History of Copyright. Open Book Publishers, 2010. P. 127–128.

[93] *Минков А.М.* Международная охрана интеллектуальной собственности. СПб.: Питер, 2001. С. 22.

Здесь же нельзя не вспомнить постановления Королевского совета по вопросам литературы (1777) и вопросам театра (1780), направленные на регламентацию обозначенных областей. Примечательны они тем, что их положения имели достаточно спорный характер, а кроме того не распространялись, например, на права авторов художественных произведений[94].

Великая французская революция повлекла за собой изменения и в сфере интеллектуальной собственности. Уже изжившая себя система феодальных привилегий требовала отмены, к тому же необходимость получения предварительного согласия государства на творческую активность никак не соотносилась с идеей о свободе творческого самовыражения, нашедшей свое отражение в тексте Декларации прав человека и гражданина (ст. 11).

В итоге 4 августа 1789 г. решением Национальной ассамблеи было покончено со всеми привилегиями и началась эпоха активного развития законодательства об интеллектуальной собственности[95].

31 декабря 1790 г. был принят декрет, перенявший положения законодательства Англии (Статута Королевы Анны). Этим декретом отменялась необходимость предварительной экспертизы и проверки: уплатив установленную сумму, автор получал гарантию на защиту государства на протяжении определенного количества лет.

Декрет от 31 декабря 1790 г. заложил основы патентования изобретений. А декретом от 7 января 1791 г. закреплялось следующее правило: «Любое открытие или новое изобретение в любом виде производства является собственностью его автора; вследствие чего закон должен гарантировать ему всестороннее и полное пользование им в соответствии с условиями и на сроки, которые будут установлены далее»[96].

Декретами от 13 и 19 января 1791 г. была установлена свобода создания театров: отныне служители Талии и Мельпомены могли поставить пьесу, получив на то одобрение муниципалитета. Правда, сама муниципальная администрация перед этим должна была заключить соответствующий договор с автором пьесы о согласии последнего на использование его произведения. Это право – давать согласие на постановку или отказывать принадлежало автору на протяжении всей жизни и пяти лет после смерти (для наследников); по истечении этого срока пьеса становилась общественным достоянием. Подобное решение было направлено на сокрушение монополии *Comedie Francaise*, обладателем прав на многие театральные пьесы – на постановку пьес Мольера и Расина.

Принимаемыми декретами авторские права признавались существующими весь период жизни автора и 10–20 лет после его смерти (за наследниками). Логичным продолжением нововведений стал декрет от 19 июля 1793 г., который закрепил за автором пожизненную монополию на опубликование и воспроизведение результатов его творчества, а также возможность извлечения из этого имущественных выгод.

Существенные изменения произошли с выходом Декрета от 19 июля 1793 г. «О художественной и литературной собственности». Уже само название указывает на перемены: предыдущие нормативно-правовые акты основное внимание уделяли драматургическим работам, а здесь уже в первой статье можно прочитать, что «писатели всех жанров, композиторы и художники пожизненно пользуются правом свободно продавать, перепродавать, распространять свои произведения и уступать на них права», а их наследники обладают такими же правами в течение 10 лет после смерти автора (ст. 2). То есть законодательство уже ставит на

---

[94] *Ефремова В.В.* Авторское право на произведения изобразительного искусства в России и Франции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008 // URL: http://law.edu. ru/book/book.asp?bookID=1278550

[95] См. об этом подробнее, например: *Лебедь В.В.* Творческие произведения как объекты французского авторского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010 // https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskie-proizvedeniya-kak-obekty-frantsuzskogo-avtorskogo-prava

[96] Цит. по: *Минков А.М.* Указ. соч. С. 22–23.

первый план самого автора и его права распоряжаться произведением, а не экономические последствия его публикации или постановки в театре.

Таким образом, на этапе становления права интеллектуальной собственности не было каких-либо планов о компиляции законодательства. Законы, касающиеся авторских прав, совершенствовались, отступая от решения сугубо экономических вопросов (плата авторам за рукопись и т. д.) к обозначению роли автора и необходимости уважать его права.

Здесь же следует упомянуть, что «докодексные» законодательные акты, касающиеся патентов, датируются 1844 и 1968 гг., а товарных знаков – 1857, 1964 и 1991 гг. То есть нормативные правовые акты, регламентирующие различные области интеллектуальной собственности, по мере их устаревания попросту заменялись другими – более совершенными, более передовыми.

За последующие 150 лет регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности изменилось лишь незначительно. Как отмечает В.В. Лебедь, «лаконичность и абстрактность формулировок позволили применять их для решения очередных юридических проблем вплоть до появления новых технических средств воспроизведения и распространения произведений литературы и искусства»[97]. Новейшие веяния, связанные с технической революцией и потребовавшие дополнить перечень охраняемых произведений радио- и телепередачами, повлекли принятие знаменитого Закона об охране авторских прав на литературную и художественную собственность (1957), в котором нашли отражение обновленная концепция и передовые точки зрения и который, по сути, стал основой Кодекса интеллектуальной собственности Франции.

Принятие Кодекса интеллектуальной собственности

Кодекс интеллектуальной собственности Франции (*Code de la Propriété Intellectuelle*) был принят в 1992 г. (Кодекс был принят Законом от 1 июля 1992 г. № 92-597). Он стал первой в мире кодификацией законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Его принятие повлекло отмену почти всех ранее существовавших нормативных правовых актов в этой сфере – их положения так или иначе нашли отражения в нормах Кодекса[98].

Примечательно, что наибольшее распространение в мире получила градация интеллектуальной собственности на две группы – (1) промышленная собственность и (2) литературная и художественная собственность (авторское право), хотя иногда выделяют еще и третью группу – нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности. При этом под *промышленной собственностью* принято понимать права на объекты интеллектуальной собственности, которые могут быть использованы в сфере, связанной с производством, торговлей, оказанием услуг и т. п. Под *литературной и художественной собственностью* понимаются права на объекты интеллектуальной собственности, которые направлены на удовлетворение духовных потребностей людей.

Кодекс интеллектуальной собственности Франции, как специально отмечено на сайте WIPO, включил в себя большинство существующих законов, регулирующих *две основные отрасли* права интеллектуальной собственности: 1) промышленную собственность и 2) литературную и художественную собственность.

---

[97] *Лебедь В.В.* Творческие произведения как объекты французского авторского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010 // https://cyberleninka.ru/article/n/ tvorcheskie-proizvedeniya-kak-obekty-frantsuzskogo-avtorskogo-prava

[98] Ознакомиться с последней редакцией Кодекса можно на сайте WIPO (*World Intellectual Property Organization*) – текст дан на французском языке, но для удобства читателей HTM-версия оснащена функцией автоматического перевода //http://www.wi-po.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=435162

Кодекс интеллектуальной собственности Франции разделен на две части – **законодательную** (*Partie legislative*) и **регламентирующую** (*Partie reglementaire*) и включает более 1300 статей.

В первую – законодательную часть перенесены положения нормативных правовых актов, отмененных в связи с принятием Кодекса: эта часть включает разделы, регламентирующие (1) литературную и художественную собственность, (2) промышленную собственность и (3) применение Кодекса на заморских территориях.

Составляющие эту часть Кодекса нормы законодательного характера обозначаются буквой ***L*** (*Legislative*). Изменения в законодательную часть Кодекса могут быть внесены исключительно законами.

В законодательной части Кодекса не только воспроизведены нормы ранее действовавшего законодательства (например, упоминавшегося Закона об охране авторских прав на литературную и художественную собственность от 11 марта 1957 г. и Закона об авторских правах и правах артистов-исполнителей, производителей фонограмм и видеограмм и организаций аудиовизуального вещания от 3 июля 1985 г., которым было введено понятие «смежные права»), но и закреплены сформировавшиеся базовые концепции – например, уважительное отношение к незыблемости прав автора[99]. Так, ст. L111-1 установлено, что автор творческого произведения уже в силу факта его создания имеет в отношении этого произведения исключительное право нематериальной собственности, которое может быть противопоставлено любому лицу.

Для наглядности приведем структуру первых трех томов законодательной части:

1 часть: литературные и художественные произведения
1 том: авторское право
1 раздел 1: объект авторского права
1 глава: природа авторского права (L111-1–L111-5)
2 глава: охраняемые произведения (L112-1–L112-4)
3 глава 3: носители авторских прав (L113-1–L113-10)
2 раздел: права автора
1 глава: нематериальные права (L121-1–L121-9)
2 глава: имущественные права (L122-1–L122-12)
3 глава: продолжительность защиты прав (L123-1–L123-12)
3 раздел: использование прав
1 глава: общие положения (L131-1–L131-9)
2 глава: положения, касающиеся отдельных видов договоров (L132-1–L132-45)
3 глава: положения о книгах в библиотеках (L133-1–L133-94)
4 глава: положения об использовании в цифровом виде недоступных книг (L134-1–L134-9)
5 глава: положения о сиротских произведениях (L135-1–L135-7)
6 глава: положения о цитировании и репродуцировании объектов авторского права (L136-1–L136-4)

2 том: смежные права
Единственный раздел
1 глава: общие положения (L211-1–L211-7)
2 глава: права исполнителей (L212-1–L212-15)

[99] *Еременко В.И.* Законодательство об интеллектуальной собственности во Франции // Законодательство и экономика. 2010. № 11.

3 глава: права изготовителей фонограмм (L213-1 и L213-2)

4 глава: общие положения, касающиеся исполнителей и изготовителей фонограмм (L214-1–L214-6)

5 глава: права производителей видеограмм (L215-1)

6 глава: права организаций, предоставляющих услуги эфирного и кабельного вещания (L216-1–L216-2)

7 глава: положения об организации эфирного и кабельного вещания (L217-1–L217-3)

3 том: Авторские и смежные права изготовителей баз данных

1 раздел: вознаграждение за частное копирование

Единственная глава (L311-1–L311-8)

2 раздел: Авторские права организации

1 глава: общие положения (L321-1–L321-6)

2 глава: разрешение на распоряжение правами (L322-1–L322-2)

3 глава: положения об организациях (L323-1–L323-15)

4 глава: распоряжение правами (L324-1–L324-2)

5 глава: использование аудиовизуальных произведений на территории других стран (L325-1–L325-7)

6 глава: прозрачность и процедуры контроля (L326-1–L326-13)

7 глава: Комиссия по контролю за организациями (L327-1–L327-15) 8 глава: прочие положения (L328-1 и L328-2)

3 раздел: меры предупреждения и санкции

1 глава: общие положения (L331-1–L331-37)

2 глава: преследование поддельных произведений (L332-1–L332-4) 3 глава: конфискация (Articles L333-1–L333-4)

4 глава: право следования (L334-1)

5 глава: меры уголовно-правового характера (L335-1–L335-9)

5-bis глава: задержание на границе (L335-10–L335-18)

6 глава: предотвращение незаконного использования объектов авторского права (L336-1 – L336-4)

4 раздел: права производителей баз данных 1 глава: область применения (L341-1 и L341-2)

2 глава: положения, касающиеся охраны прав (L342-1 – L342-5)

3 глава: применение и санкции (L343-1 – L343-7)

Вторая – регламентирующая часть, состоящая из восьми томов, также посвящена (1) литературной и художественной собственности (три тома), (2) промышленной собственности (четыре тома) и (3) регламентации отношений на заморских территориях (один том). Назначение этой части состоит в *детализации положений законодательной части Кодекса*.

Составляющие эту часть Кодекса нормы регламентирующего характера в основном обозначаются буквой ***R*** (*Reglements d'administration*) – они «заимствованы» из «декретов президента, правительства, которые принимаются только на основании заключения Государственного совета и имеют наибольшую юридическую силу среди актов исполнительной власти»[100]. В регламентирующей части Кодекса содержатся и нормы «простых декретов» премьер-министра – они обозначаются буквой ***D*** (*Decrets*). Это, например, положения о Национальном органе новых сортов растений (D412-7–D412-13) или о юрисдикции дел, связанных с изобретениями и полезными моделями (D631-1–D631-2). Положения регламентирующей части могут быть

[100] *Пилипенко А.Н.* Указ. соч. С. 109–119.

изменены декретами исполнительной власти, которые (при соблюдении установленной Конституцией и органическими законами процедуры) приравниваются к законам.

В итоге положения Кодекса интеллектуальной собственности Франции довольно детально определяют правовой режим различных объектов интеллектуальной собственности в соответствии с потребностями развития информационного общества, в соответствии с международными стандартами. Нормы Кодекса в целом соответствуют обязательствам, принятым на себя Францией и вытекающим из международных договоров и соглашений: *универсальных*, как, например, Бернская конвенция (1886) и Парижская конвенция (1883), *региональных*, таких как, например, Конвенция об унификации некоторых положений права о патентах на изобретения (1963), Европейская патентная конвенция (1973), а также *различных директив ЕС* в сфере интеллектуальной собственности[101].

Крайне интересным представляется форма внесения поправок в Кодекс интеллектуальной собственности: принимаются «тематические» законы по областям регулирования или в связи с определенными событиями, которые становятся составной частью Кодекса интеллектуальной собственности Франции.

Так, в 2006 г. был принят Закон об авторском праве и смежных правах в информационном обществе, который имел целью усовершенствовать законодательство в условиях развития цифровых технологий (в соответствии с Директивой 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе»). Законом были введены так называемые технические меры защиты, предназначенные для воспрепятствования или ограничения использования произведений в Интернете без разрешения авторов и правообладателя. Применительно к этому Закону отмечалось: «Практика нелегального скачивания и распространения контента, охраняемого авторским правом, через пиринговые сети рассматривалась как нарушение и подвергалась санкциям в рамках процедуры «поэтапной ответственности» (*réponse graduée*), предусматривавшей небольшой штраф: от 38 до 150 евро. Конституционный совет переквалифицировал эти правонарушения как контрафакцию и разрешил применение более жестких мер наказания вплоть до тюремного заключения сроком до трех лет и штрафа до 300 тысяч евро»[102].

В 2007 г. в Кодекс вносились поправки в связи с принятием Закона о борьбе с контрафактным товаром, а в 2014 г. положения этого Закона и Кодекса были «дополнены, укреплены и уточнены» Законом об усилении борьбы с контрафакцией, который предусматривал следующие существенные изменения: «усовершенствование процедуры оценки ущерба, возмещаемого обладателям прав ИС в ходе разбирательства случаев нарушения их прав, путем установления требования о том, чтобы судья проводил четкое разграничение между различными степенями ущерба; увеличение срока давности до пяти лет для всех исков, касающихся нарушения прав ИС; упрощение процедуры, связанной с осуществлением права на информацию, а именно предоставление возможности запрашивать информацию до вынесения любого решения по существу дела, касающегося контрафакции, в том числе у судьи, выносящего решения по срочным вопросам, без необходимости сбора всей информации и документации; гармонизацию процедур наложения ареста в случае нарушения любых прав ИС»[103].

В 2009 г. был принят закон «Творчество и Интернет», основной целью которого было способствование распространению и защите творчества в Интернете. Этот Закон именовался HADOPI – по первым буквам созданного в его рамках Высшего совета по распространению произведений и защите прав в Интернете – ***H**aute **A**utorite pour la **D**iffusion des **O**euvres et la*

---

[101] The Intellectual Property Review – Edition 5. FRANCE. July 2016 // URL: https:// thelawreviews.co.uk/edition/the-intellectual-property-review-edition-5/1136639/france

[102] *Вовк Г.С.* Французское законодательство по авторскому праву // http://infoculture. rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/04/2013-04_r_kvm-s8.pdf

[103] См.: http://www.wipo.int/wipolex/ru/news/2014/article_0009.html

***P**rotection des droits sur **I**nternet* (*Higt Authority of Diffusion of the Art Works and Protection of Rights*). Другое его название – Закон «трех ударов (страйков)» (*«three strikes» law*), поскольку его положениями предусматривалось, что после получения жалобы правообладателя на нарушение (например, незаконное скачивание файла, защищенного авторским правом) должны последовательно наступать соответствующие негативные последствия. *Первый «страйк»* представляет собой направление нарушителю электронного письма-предупреждения, в котором указывается на допущенное нарушение. Если в течение шести месяцев после направления первого предупреждения то же лицо вновь допускало нарушение, то ему направлялось заказное письмо с предписаниями по устранению нарушений (*второй «страйк»*). Еще одно нарушение со стороны того же лица влекло *третий «страйк»* – направление дела нарушителя в суд, который мог оштрафовать нарушителя (в сумме до 1500 евро) с дополнительным наказанием в виде приостановления доступа в Интернет максимум на один месяц. Этот Закон вызвал много споров и был передан на рассмотрение Конституционного совета, который признал его неконституционным в общей части, подчеркнув, что право на доступ к Интернету относится к базовым правам человека. В 2013 г. данный Закон был отменен, причем интересной представляется статистика правоприменительной практики HADOPI: за время его действия первое предупреждение о нарушении авторских прав из-за скачивания или распространения пиратских файлов получили 2 млн человек; второе поступило 186 тыс. пользователям; третий «страйк» был совсем неэффективным, поскольку состоялось 663 судебных заседания[104], а от Интернета отключили всего одного человека на 15 дней с уплатой штрафа в размере 600 евро[105].

В 2011 г. был принят Закон об авторском вознаграждении за частное копирование, который закрепил право автора на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях.

В 2012 г. был принят Закон об использовании в цифровом виде недоступных книг XX в., который выступил контрмерой действиям компании *Google* по оцифровке книг[106]. Под «недоступными» в Законе понимаются те книги, которые были опубликованы до 1 января 2001 г. и не являются больше объектом продажи (коммерческого распространения), но и не публикуются в печатном или электронном виде. Франция посчитала недостаточными гарантии, предоставленные *Google* авторам, и на базе Национальной библиотеки Франции была создана собственная система оцифровки «бумажных» книг, авторские права на которые еще охраняются, но которые более не издаются и не продаются; это предполагает уплату гонорара авторам и строгое соблюдение хранения цифровых публикаций[107]. Закон предусматривает, что правообладатели могут в течение полугода изъять книги из проекта. Вследствие принятия этого Закона первая книга Кодекса интеллектуальной собственности Франции была дополнена соответствующей главой.

Таким образом, Кодекс интеллектуальной собственности Франции – это не застывший правовой «монумент», а актуальный нормативный правовой акт, который постоянно дополняется и изменяется с учетом выявляемых проблем и обнаруживающихся новых областей, нуждающихся в правовой регламентации. В юридической литературе французский Кодекс интеллектуальной собственности характеризуют как предоставляющий широкую охрану объектам интеллектуальной собственности, а также отличающийся высоким уровнем юридической тех-

---

[104] См.: https://www.copyright.ru/news/main/2013/7/11/Hodopi_internet_prava/

[105] См.: https://www.cnet.com/news/french-three-strikes-law-no-longer-suspends-net-access/

[106] Подробнее о деле *The Authors Guild v. Google, Inc.* см.: *Тарасов Д.* Судебный путеводитель по fair use // http://lexdigital.ru/2015/114/

[107] См. об этом: *Усов Г.В.* Правовое регулирование и защита интеллектуальной собственности во Франции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2014. № 3 (27) С. 302.

ники, возможностью быстрого внесения изменений и эффективной реализацией установленных положений[108].

Непрерывность административной кодификации

Упомянув оперативность изменений положений Кодекса, следует уделить внимание и вопросам порядка организации этой работы.

Как уже указывалось, для современной Франции характерно понимание кодификации как деятельности по объединению нормативных актов различного уровня, регулирующих сходные отношения, в единый систематизированный сборник (см. об этом § 1.1 настоящей работы) – для ее обозначения даже используется термин «административная кодификация» [109]. Организация этой работы не расценивается как полноценно законодательная, поэтому она осуществляется исполнительной властью, а руководство систематизацией законодательства возложено на специально учрежденный орган – Высшую комиссию по проведению кодификации и упрощению законов и нормативных актов исполнительной власти (чаще называемую Высшей комиссией по кодификации (или предкодификации)). Но сама Высшая комиссия по кодификации, действующая при премьер-министре, не занимается разработкой кодекса и не обладает полномочиями по утверждению проектов кодексов – она руководит подготовкой проектов кодексов и контролирует соответствующие ведомства, занимающиеся подготовкой конкретных проектов.

А.Н. Пилипенко подчеркивает, что Высшая комиссия по кодификации к принципам «административной кодификации» относит (1) полноту, (2) формальный характер и (3) непрерывность[110].

Под «полнотой кодификации понимается вся совокупность однородных общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, должна быть регламентирована нормами, содержащимися в кодексе (материальная полнота кодификации). Одновременно кодексы должны поглотить нормы, содержащиеся во всех нормативных актах, изданных центральными органами власти (законах, ордонансах, декретах правительства, постановлениях и циркулярах министерств и ведомств). Не подлежат включению в кодексы только нормы, содержащиеся в Конституции, и акты временного характера (формальная полнота кодификации)» [111].

Формальный характер административной кодификации состоит в том, что если парламент не уполномочил правительство, то оно не может разрабатывать изменения и дополнения в сами законодательные нормы Кодекса (по существу), ограничиваясь только изменениями по форме.

Непрерывность кодификации – это непременное условие ее эффективности, она осуществляется по мере принятия новых нормативных актов, требующих внесения изменений в соответствующие кодексы. Процедура включения норм, дополняющих или изменяющих действующие кодексы с учетом их структуры, носит название *инкорпорации*[112].

В то же время не только Кодекс интеллектуальной собственности содержит нормы, касающиеся интеллектуальной собственности, – их можно найти и в других нормативных правовых актах. По данным WIPO, к числу таких законодательных актов относятся не только законы, но и кодексы: в частности, Кодекс прав потребителей (*Code de la consommation*), Кодекс насле-

---

[108] *Huang Hui, Zheng Chengsi*. Intellectual Property Code of France (Legislative Part). Commercial Press. July 1999 // URL: http://www.wanhuida.com/tabid/259/ArticleID/715/De-fault.aspx

[109] *Пилипенко А.Н.* Указ. соч. С. 109–119.

[110] Там же.

[111] Там же.

[112] А.Н. Пилипенко отмечает: «Правила осуществления текущей инкорпорации определяются циркулярами премьер-министра от 14 января 1961 года и 10 октября 1968 года» (*Пилипенко А.Н.* Указ. соч. С. 109–119).

дия (*Code du patrimoine*), Уголовный кодекс (*Code pénal*), Трудовой кодекс (*Code du travail*), Уголовно-процессуальный кодекс (*Code de procédure pénale*), Кодекс судоустройства (*Code de l'organisation judiciaire*) и даже «сам» Гражданский кодекс (*Code civil*)[113].

Несмотря на это, казалось бы, не может вызывать сомнений то, что Кодекс интеллектуальной собственности Франции должен признаваться результатом кодификации. Между тем специалистами отмечается, что при его подготовке значительной содержательной переработки уже имеющегося законодательства не производилось. Обращается внимание и на то, что Кодекс представляет собой лишь систематизированный акт, лишенный каких-либо общих положений и направленный на структурирование имеющихся норм в сфере интеллектуальной собственности[114]. Особенностью Кодекса интеллектуальной собственности Франции опять-таки является то, что в нем сосредоточены нормы не только частного права, но и права административного, уголовного, трудового, процессуального и пр.

На основании изложенного и с учетом сказанного в § 1.1 настоящей работы следует признать, что Кодекс интеллектуальной собственности Франции, бесспорно, является кодификацией с позиций французского права, но с позиций права российского представляет собой **инкорпорацию**.

Некоторые примеры систематизации законодательства об интеллектуальной собственности в других зарубежных странах

В завершение настоящего параграфа хотелось бы упомянуть иные разновидности систематизации законодательства об интеллектуальной собственности, которые демонстрирует право зарубежных стран.

Так, не может не вызывать интерес **опыт Бельгии**, где в 2014 г. законодательство об интеллектуальной собственности было включено в качестве самостоятельного раздела в Кодекс экономического законодательства[115]. Таким образом, положения об интеллектуальной собственности оказались «рядом» с нормами конкурентного права, законодательства о защите потребителей, об электронной коммерции, а также с нормами банковского и финансового права.

До этого в Бельгии действовали отдельные законы, регламентирующие интеллектуальную собственность, – в частности, Закон «Об авторском праве и смежных правах», Закон «О патентах» и др. С 2014 г. соответствующие положения были включены в Книгу XI «Интеллектуальная собственность» Кодекса экономического законодательства, состоящую из 10 глав: патентные права (гл. 1, 2); права на сорта растений (гл. 3); права на товарные знаки и промышленные образцы (гл. 4, но не включены положения действующих региональных соглашений на уровне ЕС и Бенилюкса по данной теме); авторские и смежные права (гл. 5); права на программы для ЭВМ (гл. 6); права на базы данных (гл. 7); права на топографии интегральных микросхем (гл. 8); порядок вступления в силу (гл. 9, 10).

Отмечается, что была совершена качественная переработка законодательства с учетом требований директив ЕС и потребностей совершенствования национальной правовой системы, в результате которой ряд норм был полностью изменен[116]. В то же время в большей степени

---

[113] http://www.wipo.int/wipolex/ru/profile.jsp?code=FR

[114] *WU Handong, MA Lin.* Internationalisation, Modernization, and Codification: the Development of Chinese Intellectual. Property Law. Intellectual Property Law, ZChinR 2004 // URL: http://www.zchinr.de/index.php/zchinr/article/viewFile/1598/1618

[115] Закон от 19 апреля 2014 г. «О включении Книги XI «Интеллектуальная собственность», а также отдельных положений Книги XI в Книги I, Книги XV и Книги XVII в Кодекс экономических прав» // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=15744

[116] *Alexandre Pintiaux*. Intellectual property legislation is now integrated into the new Belgian Code of economic law // URL: https://www.lexgo.be/en/papers/ip-it-telecom/intellec-tual-property-law/intellectual-property-legislation-is-

это относится к авторскому праву и смежным правам. Например, были внесены значительные поправки в положения, регулирующие коллективное управление авторскими и смежными правами; уточнены сроки правовой охраны некоторых объектов авторского права и смежных прав; конкретизированы право репродуцирования и право следования по отношению к произведениям изобразительного искусства[117]. Не так давно (в 2016 г.) в Книгу XI Кодекса экономического законодательства были внесены поправки, на основании которых было введено право на создание панорамы[118].

Примечательно, что в Бразилии до принятия в 2001 г. Закона «О промышленной собственности» действовал Кодекс промышленной собственности (1971), в котором были сосредоточены нормы, устанавливающие правовой режим объектов промышленной собственности. Аналогичная ситуация имеет место в Португалии, где действуют Кодекс авторского права и смежных прав и Кодекс промышленной собственности (1940)[119]. Не так давно в Турции вступил в действие Кодекс промышленной собственности (2017), повлекший отмену декретов-законов об изобретениях и полезных моделях, промышленных образцах, товарных знаках и географических указаниях.

now-integrated-into-the-new-belgian-code-of-economic-law,93217.html

[117] *Sari Depreeuw*. Copyright in the new Belgian Code of Economic Law: codification and new regulation. Kluwer copyright blog, 2015 // URL: http://copyrightblog.kluweriplaw. com/2015/05/13/copyright-in-the-new-belgian-code-of-economic-law-codification-and-new-regulation/

[118] Закон от 27 июня 2016 г. о внесении поправок в Кодекс экономического законодательства, вводящих принцип права на создание панорамы // http://www.wipo.int/ wipolex/ru/details.jsp?id=16365

[119] По данным WIPO Lex // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=17387

§ 1.3. Влияние Модельного кодекса интеллектуальной собственности на законодательство государств – участников СНГ

Систематизация законодательства об интеллектуальной собственности в СНГ

Систематизация законодательства об интеллектуальной собственности приобрела особое значение в государствах – участниках СНГ. Прежде всего это связано с историческим аспектом правового развития этих государств. Ведь, как известно, в советское время, когда страны СНГ в качестве союзных республик входили в единое государство, вопрос о систематизации законодательства об интеллектуальной собственности не стоял. Это вытекает из отсутствия самого понятия «интеллектуальная собственность» в советское время, восприятия результатов интеллектуальной деятельности сквозь призму социалистической собственности[120].

Так, в ходе масштабной кодификации гражданского законодательства в 60-е гг. XX в. положения об интеллектуальной собственности (нормы, регулирующие авторское право, права на открытие, на изобретение, рационализаторское предложение и промышленный образец) были включены в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., а также в гражданские кодексы союзных республик. Однако данные положения имели достаточно фрагментарный характер, имели ярко выраженные признаки государственного регулирования, ограничивали личные неимущественные права автора, не предоставляли авторам и изобретателям исключительного права на созданный результат интеллектуальной деятельности[121].

Эти проблемы не решились и после присоединения СССР ко Всемирной конвенции об авторском праве в 1973 г. Только в 1990-е гг. интеллектуальная собственность как понятие было закреплено в законодательстве СССР[122], а содержание данного понятия модернизировалось. Так, в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик[123] 1991 г. исключительное право на результат интеллектуальной деятельности уже закрепляется за создателем соответствующего объекта. Кроме того, в данном нормативно-правовом акте впервые была установлена охрана смежных прав. Римская конвенция не была ратифицирована СССР – Россия и страны СНГ присоединились к Конвенции только после 2002 г.

Но уже в этот период предпринимаются первые попытки применения понятия «интеллектуальная собственность» в законодательстве союзных республик, а затем и в законодательстве возникших независимых государств. Например, белорусское инвестиционное законодательство содержало термин «интеллектуальные ценности» (ст. 3 Закона «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь»[124]и ст. 2 Закона «Об иностранных инвестициях на тер-

---

[120] *Бордунов А.А.* Страны СНГ в эволюционном процессе охраны и защиты прав интеллектуальной собственности // Право и управление. XXI век. 2013. № 1. С. 87–95.

[121] Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу с 1 января 1992 г. на основании Постановления Верховного Совета СССР от 31 мая 1991 г.).

[122] Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 (с изм. от 24 декабря 1990 г.) «О собственности в СССР».

[123] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (ред. от 26 ноября 2001 г.).

[124] Закон Республики Беларусь от 29 мая 1991 г. № 824-XII (с изм. от 24 апреля 1992 г., 4 февраля 1994 г.) «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» // Ведо-

ритории Республики Беларусь»[125]). А в так и не получившем законной силы проекте ГК Республики Беларусь 1992 г.[126] вслед за Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. использовались понятия «права на результаты интеллектуальной деятельности» и «смежные права». Но каких-либо попыток определить содержание этих терминов упомянутые документы не предпринимали.

Из сказанного можно сделать вывод, что на момент распада СССР и возникновения на его территории суверенных государств сложилась объективная необходимость создания механизмов правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Правовые системы постсоветских стран имели в начале 90-х гг. XX в. и сохраняют до сих пор определенное сходство. Они «по-прежнему формируют некую общность государств и правовых систем, которую можно было бы условно рассматривать как логическое развитие, точнее – продолжение, переход от социалистической правовой семьи к постсоциалистической»[127], у них «остаются схожими базовые принципы, структура и юридическая техника»[128].

Большую роль в разработке механизмов решения практических задач, возникающих в процессе развития национального гражданского законодательства, в том числе и в сфере интеллектуальной собственности, играет Содружество Независимых Государств.

Эта организация была образована с целью урегулировать отношения между государствами, бывшими ранее союзными республиками в составе СССР: способствовать осуществлению всестороннего сотрудничества между ними; обеспечивать соблюдение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; содействовать сбалансированному экономическому и социальному развитию государств-членов в рамках общего экономического пространства, в условиях межгосударственной кооперации и интеграции; осуществлять взаимную правовую помощь мости Верховного Совета Белорусской ССР. 1991. № 22. Ст. 300; Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992. № 16. Ст. 263; 1994. № 11. Ст. 149.

и сотрудничество в других сферах правовых отношений; осуществлять мирное разрешение споров и конфликтов между государствами Содружества[129].

Безусловно, для достижения данных целей необходимо систематизированное и унифицированное законодательство по всем отраслям права. Для этого и создаются специальные рабочие группы, занимающиеся разработкой модельных проектов законов. Порядок и основные принципы модельного законотворчества урегулированы постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-21 «О разработке программы модельного законотворчества в Содружестве Независимых Государств», Положением от 14 апреля 2005 г. «О разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств» и рядом иных актов. Кроме того, в разработке модельных законов принимают участие международные организации (ООН, ЮНЕСКО, ВОИС и др.), правительства отдельных государств – членов СНГ, Совет Федерации Федерального Собрания РФ[130].

---

[125] Закон Республики Беларусь от 14 ноября 1991 г. № 1242-XII (с изм. от 16 июня 1993 г.) «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1991. № 35. Ст. 625; 1993. № 22. Ст. 280.

[126] Проект Гражданского кодекса Республики Беларусь. Т. II. Минск: Б.и., 1992.

[127] *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение: Общая часть. М.: Зерцало, 2001. С. 484.

[128] *Бехруз Х.* Сравнительное правоведение. Одесса: Фенікс; М.: ТрансЛит, 2008. С. 456.

[129] Решение Совета глав государств СНГ «О принятии Устава СНГ» (вместе с Уставом Содружества Независимых Государств) (принято в г. Минске 22 января 1993 г.) (с изм. от 19 сентября 2003 г.).

[130] *Ярышев С.Н.* Договоры между государствами-участниками СНГ (ЕврАзЭС) и унификация их законодательства по вопросам Единого экономического пространства // Московский журнал международного права. 2011. № 4 (84). С. 65.

Но в чем состоит сущность модельного законотворчества в целом и модельного законотворчества в сфере интеллектуальной собственности в частности? Какова правовая природа модельного законодательства? И можно ли назвать модельные кодексы кодификацией законодательства?

Как пишет Е.В. Шестакова, модельный закон – это акт рекомендательного характера, выполняющий нормативно-консолидирующую роль в законодательстве и дающий нормативную ориентацию для последующего законодательства[131]. Бесспорна роль модельного законодательства в унификации норм права в различных правовых отраслях. Тем не менее модельный закон не обладает свойством обязательности для законодательных органов отдельных государств, а призван «выполнять функцию определенного нормативно-ориентирующего стандарта»[132] Как отмечает С.В. Бошно, принципиальная особенность модельных актов состоит в том, что они сами выполняют систематизирующую роль, а не возникают в результате систематизации, поскольку на их основе могут возникнуть единообразные нормативные правовые акты[133].

Таким образом, стоит отметить особую роль модельного законодательства в систематизации законодательства стран – участниц СНГ. С одной стороны, модельное законотворчество, в особенности создание, разработка модельных кодексов, отвечает доктринальному определению систематизации законодательства, явно присутствует цель упорядочивания правовой базы. Кроме того, в большинстве случаев происходит и наполнение законодательства новым содержанием, что наиболее точно отражает процесс кодификации. Но, с другой стороны, рекомендательный характер модельного законодательства, сущность модельных актов как «мягкого права» не позволяют рассматривать модельные кодексы наравне с кодифицированным законодательством отдельного государства.

В любом случае, относить или не относить модельные кодексы СНГ, в частности Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – частников СНГ, к актам кодификации, их систематизирующая роль бесспорна, ведь модельное законодательство оказывает значительное влияние на законодательство отдельных государств-участников, способствует приданию законотворчеству на национальном уровне системного и унифицированного характера. Причины этого кроются в гибкости и универсальности норм модельного законодательства, учёте правового и социально-экономического опыта всех сотрудничающих государств, а также в возможности принятия решений на основе общего консенсуса, наличии в ряде случаев альтернативных вариантов правового регулирования тех или иных отношений, возможности отдельных стран адаптировать модельное законодательство согласно потребностям собственной правовой системы[134]. Все это в совокупности позволяет достаточно эффективно разрабатывать основные принципы той или иной правовой отрасли и создавать более современные и качественные нормы, на основе которых в последующем государства смогут в единообразном ключе строить свою правовую систему.

В частности, если обратиться непосредственно к Модельному кодексу интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ[135], то необходимо отметить, что первая же его статья гласит, что «Модельный Кодекс интеллектуальной собственности направлен на обеспе-

---

[131] *Шестакова Е.В.* Модельное законодательство: теоретико-правовые аспекты и практика применения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006 // URL: http://www.dissercat.com/content/modelnoe-zakonodatelstvo-teoretiko-pravovye-aspekty-i-praktika-primeneniya

[132] *Бехруз Х.* Указ. соч. С. 140.

[133] *Бошно С.В.* Теория государства и права: учебник. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. С. 174.

[134] *Шестакова Е.В.* Международная практика применения модельного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2006. № 1. С. 95–111.

[135] Модельный Кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ: рек. законодат. акт Содружества Независимых Государств: принят на 34-м пленар. заседании Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ, 7 апреля 2010 г., № 34-6 // Информ. бюл. Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ. 2010. № 47.

чение единообразного регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, возникающих в связи с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, распоряжением правами интеллектуальной собственности, а также с охраной и защитой прав на такие объекты». Кроме того, здесь же отмечается, что Кодекс «направлен на гармонизацию национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности государств – участников Содружества Независимых Государств».

Реализуются ли эти задачи на практике и какую роль играет Модельный Кодекс интеллектуальной собственности в системе модельного законодательства СНГ?

Прежде всего следует отметить, что свойственная модельному законодательству альтернативность проявляется и в регулировании отношений интеллектуальной собственности. Например, принятие Модельного Кодекса интеллектуальной собственности состоялось в 2010 г., до этого на уровне СНГ уже был принят ряд актов в сфере интеллектуальной собственности, в частности, раздел V Модельного Гражданского кодекса, модельный закон о реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий, модельный закон об авторском праве и смежных правах, Модельный Закон о научно-технической информации, модельный закон о защите высоких технологий[136].

С принятием модельного Кодекса интеллектуальной собственности вышеперечисленные акты не утратили свою силу и по-прежнему применяются. Более того, ряд положений перешли из этих актов в модельный Кодекс интеллектуальной собственности.

Тем не менее нельзя сказать, что имеет место простое дублирование уже имеющихся норм. По сравнению с положениями Модельного Гражданского кодекса модельный Кодекс интеллектуальной собственности содержит более полное регулирование в сфере интеллектуальной собственности как по количественному, так и по качественному критерию.

Так, раздел V «Интеллектуальная собственность» Модельного Гражданского кодекса в действующей редакции[137] содержит 13 статей, первая из которых гласит: «Настоящий Кодекс устанавливает виды охраняемых объектов интеллектуальной собственности и определяет общие начала регулирования связанных с ними личных неимущественных и имущественных отношений». (До 2003 г. Модельный Гражданский кодекс содержал намного больший объем норм об интеллектуальной собственности, однако их содержание не соответствовало международно-правовым основам законодательства об интеллектуальной собственности, характеризовалось значительно более низким уровнем юридической техники, что и вызвало необходимость реформирования в данной сфере.)

Модельный Кодекс интеллектуальной собственности в свою очередь состоит из 13 глав и 107 статей, помимо глав «Общие положения об интеллектуальной собственности» и «Распоряжение имущественными правами интеллектуальной собственности» остальные главы Кодекса содержат правовые нормы в отношении конкретных объектов интеллектуальной собственности. Стоит отметить, что в Кодексе имеются как положения, уже закрепленные ранее в модельном законодательстве, так и качественно новые положения. В частности, впервые на уровне СНГ Модельный Кодекс интеллектуальной собственности закрепил порядок регулирования таких объектов интеллектуальной собственности, как научное открытие, топография (топология, компоновка) интегральной микросхемы, рационализаторское предложение, коммерческая тайна.

Еще более полно многовариантность проявляется в тех случаях, когда сами модельные акты закрепляют альтернативные механизмы правового регулирования отношений интеллек-

---

[136] Документы МПА СНГ. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств // URL: https://iacis.ru/activities/documents/ normativnye_dokumenty_reglamentiruyushchie_deyatelnost_mpa_sng

[137] Раздел V «Интеллектуальная собственность» части третьей Модельного Гражданского кодекса для государств – участников СНГ: принят на 21-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 16 июня 2003 г., № 21-7 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2003. № 31.

туальной собственности и предоставляют возможность выбора наиболее приемлемой на национальном уровне редакции. Например, в Модельном Законе об авторском праве и смежных правах 2005 г.[138] закреплены два варианта ст. 14, посвященной авторскому праву на произведение, созданное в порядке выполнения служебного задания. Следовательно, при применении данного акта в качестве образца перед национальным законодателем неизбежно встанет проблема выбора одного из рекомендованных вариантов.

Альтернативность модельного законодательства об интеллектуальной собственности в конечном счете усложняет достижение цели унификации права. Но следует помнить, что рекомендательные акты не только являются примером для разработки национального законодательства, но и отражают современные тенденции развития правовой доктрины. И необходимость обеспечения соответствия модельного законодательства основным тенденциям развития правовой доктрины во многом и приводит к альтернативности его положений.

Многовариантность модельного законодательства обусловлена и тем, что Кодекс не претендует на исчерпывающее регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности. Как верно отмечает А.А. Богустов, одной из отличительных черт модельного законодательства СНГ в сфере интеллектуальной собственности является многоуровневость, сущность которой заключается в том, что отдельные институты урегулированы не только на уровне модельных кодексов, но и на уровне модельных законов[139]. Другими словами, модельное законодательство СНГ включает также ряд модельных законов, в которых содержится более полная правовая регламентация положений, зафиксированных в Кодексе.

Например, гл. 4 Кодекса, именуемая «Право интеллектуальной собственности на научное открытие», содержит две статьи, определяющие понятие научного открытия и права автора, в то же время в модельном законе об охране прав на научные открытия содержатся семь разделов и 36 статей, в рамках которых подробно урегулированы условия и порядок получения прав на научные открытия, содержание этих прав, а также порядок государственной регистрации прав на научное открытие, ведения реестра, уплаты государственной пошлины и сборов, случаи нарушения прав на научное открытие и способы их защиты.

Подобная ситуация складывается и с другими объектами интеллектуальной собственности, основное содержание которых раскрывается в модельных законах. Так, на сегодняшний день приняты модельные законы об авторском праве и смежных правах, об охране прав на научные открытия, о рационализаторской деятельности, о фирменных наименованиях, о коммерческой тайне. Такая многоуровневость правового регулирования позволяет каждому государству самостоятельно выбрать степень влияния модельных актов на формирование национального права в сфере интеллектуальной собственности: ограничиться ли им общими положениями, закрепленными в Кодексе, или же использовать более детализированные нормы из модельных законов.

Кроме того, в силу рекомендательного характера модельных актов у государств остается право в принципе не включать те или иные положения в национальное законодательство. Например, законодательство России и ряда других стран СНГ не предоставляет правовую охрану рационализаторскому предложению и научному открытию.

Стоит отметить, что в доктрине наличие правовой охраны рационализаторского предложения и научного открытия в модельных актах СНГ обосновывается сохранением преемственности положениям советской правовой системы. Действительно, данные положения во многом

---

[138] Модельный Закон об авторском праве и смежных правах: принят на 26-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 18 ноября 2005 г., № 26–13 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2006. № 37.

[139] *Богустов А.А.* Отличительные черты модельного законодательства для государств – участников СНГ о праве интеллектуальной собственности // Вестник БарГУ. Сер. Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2016. Вып. 4. С. 105.

схожи с нормами Основ гражданского законодательства Союза и союзных республик 1961 г. (разд. V, ст. 107–109) и Положений об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 г. Тем не менее уже в 1991 г. Президиум Академии наук СССР выразил отрицательное отношение к государственной регистрации научных открытий, признав сохранение данного института нецелесообразным (решение от 14 мая 1991 г. № 156)[140]. И хотя дискуссии относительно предоставления правовой охраны данным объектам не утихают и по сей день, в большинстве государств, в том числе и на постсоветском пространстве, научные открытия и рационализаторские предложения к числу объектов интеллектуальной собственности сейчас не относят.

Систематизация законодательства об интеллектуальной собственности в отдельных государствах – участниках СНГ

Таким образом, мы подходим к вопросу о влиянии модельных актов на систематизацию законодательства в сфере интеллектуальной собственности в отдельных государствах – членах СНГ.

Прежде всего, необходимо отметить, что национальное законодательство об интеллектуальной собственности в СНГ формируется, равно как и модельное законодательство, с учетом международных стандартов; за основу берутся обязательства, принятые государствами – членами СНГ при присоединении к международным договорам в сфере интеллектуальной собственности. В модельном законодательстве об интеллектуальной собственности находит отражение процесс правовой инфильтрации, который определяется как включение «правовых норм, содержащихся в международных актах (договорах, конвенциях, декларациях) и в национальных нормативно-правовых актах одного государства, во внутригосударственное право конкретного другого государства определенными способами»[141].

Что касается структуры законодательства об интеллектуальной собственности отдельных стран Содружества, то здесь можно выделить несколько общих тенденций, прослеживающихся в подходах к систематизации нормативных правовых актов.

Во-первых, принятие отдельного Кодекса интеллектуальной собственности не реализовано ни в одном из государств Содружества. Во-вторых, общий принцип охраны и защиты права на интеллектуальную собственность почти во всех странах СНГ закрепляется на конституционном уровне (исключением является Казахстан, в Конституции которого не упоминается интеллектуальная собственность; кроме того, в Конституции Узбекистана принцип охраны интеллектуальной собственности выводится только на основе толкования ряда статей). В-третьих, говоря непосредственно о влиянии модельного законодательства, необходимо отметить, что большинство стран СНГ разрабатывали национальные гражданские кодексы на основе модельного Гражданского кодекса СНГ, закрепляя в них с большей или меньшей степенью полноты и детализации некоторые положения об интеллектуальной собственности. В качестве исключения можно привести Азербайджанскую Республику и Республику Молдову, ГК которых не регламентирует интеллектуальную собственность. В ГК Азербайджана регулирование интеллектуальных прав отсутствует полностью, ГК Молдовы ограничивается одной статьей «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности» (301) в разделе «Имущество»[142].

---

[140] *Добрынин О.В.* Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2010. С. 599.

[141] *Мельниченко Т.А.* Теоретические и нормативные основания правовой инфильтрации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 9.

[142] Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга первая. Общие положения) от 6 июня 2002 г. № 1107-XV (с изм. и доп. по состоянию на 29 мая 2014 г.) // URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30397878

Помимо этого во всех странах СНГ, кроме России, правовой режим интеллектуальной собственности также регламентируется отдельными законами. Так, в Аналитическом обзоре 2015 г., подготовленном Исполнительным комитетом СНГ[143], говорится, что «в государствах – участниках СНГ отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, регулируются законодательством об авторском праве, патентным и специальным законодательством». В данном документе подчеркивается, что «сфера интеллектуальной собственности регламентируется в основном законами «Об авторском праве и смежных правах», «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы», «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «О правовой охране топологий интегральных микросхем», «О правовой охране баз данных» и др.».

Можно отметить и роль иных отраслевых кодексов и законов, содержащих положения об интеллектуальной собственности. Следует обратить внимание на то, что, закрепляя подобные правила, национальное законодательство зачастую следует модели, предложенной рекомендательными актами СНГ.

В частности, Модельный Уголовный кодекс[144] устанавливает ответственность за нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей (ст. 161) и незаконное использование товарного знака (ст. 267). Аналогичные составы предусматриваются уголовным законодательством всех государств – участников СНГ (например, ст. 201 и 248 УК Республики Беларусь[145]). Национальное законодательство варьирует санкции за совершение преступлений в сфере интеллектуальной собственности от различных штрафов до лишения свободы.

В уголовные кодексы постсоветских стран вносятся изменения и дополнения, отражающие технологическое и информационное развитие общества. Например, в 2012 г. в Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан были внесены изменения, направленные на всестороннюю защиту объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде: установлена уголовная ответственность лиц, незаконно использующих объекты авторского права и смежных прав путем организации, создания интернет-ресурсов для дальнейшего доступа к обмену, хранению, перемещению контрафактных экземпляров произведений и (или) фонограмм в электронном, цифровом формате; введена уголовная ответственность за нарушение прав на новые виды объектов интеллектуальной собственности, такие как топологии интегральных микросхем и селекционные достижения[146].

Ответственность за нарушения в сфере интеллектуальной собственности предусматривается и в кодексах об административных правонарушениях государств – участников СНГ. Например, КоАП Республики Беларусь[147] устанавливает санкции за нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности (ст. 9.21), незаконное использование деловой репутации конкурента (ст. 11.26) и разглашение коммерческой или иной тайны (ст. 22.13).

---

[143] Развитие и деятельность Содружества Независимых Государств в 2015 г. (Сборник информационно-аналитических материалов. Вып. № 4). Минск, 2016 // URL: http:// www.cis.minsk.by/foto/pages/19180/56d6ae391464e.pdf

[144] Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ: рек. законодат. акт Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств-участников СНГ, 17 февр. 1996 г. (с изм. и доп. от 16 ноября 2006 г. и 3 декабря 2009 г.) // Прил. к Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10.

[145] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 18 июля 2017 г.) // URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK990027 5#load_text_none_1_

[146] Закон от 12 января 2012 г. № 537-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам интеллектуальной собственности» // http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=257657

[147] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (с изм. и доп. по сост. на 9 января 2017 г.) // URL: http://etalonline.by /?type=text&regnum=Hk0300194#load_text_none_1_

Кроме того, положения, направленные на охрану интеллектуальной собственности, содержатся в таможенных кодексах. Модельный Таможенный кодекс[148] в ст. 108 устанавливает самые общие правила о таможенном контроле в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и оставляет национальному законодательству возможность установления механизмов реализации подобного контроля. Значимую роль в унификации национального законодательства по охране интеллектуальной собственности средствами таможенного права играет участие государств – членов СНГ в более тесных формах экономической интеграции на постсоветском пространстве (ранее – в Таможенном союзе, а сейчас – в Евразийском экономическом союзе). Примером могут служить ст. 251–254 Закона «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»[149], практическое применение которых возможно только в совокупности с нормами законодательства Таможенного союза ЕАЭС.

К тому же значительную роль в обеспечении надлежащей охраны интеллектуальной собственности играет антимонопольное законодательство. Решению данной задачи посвящена ст. 12 Модельного Закона о защите конкуренции[150], которая устанавливает запрет на недобросовестную конкуренцию. Во всех государствах – членах СНГ существуют нормативные акты о защите конкуренции и в большинстве из них закреплены правила, касающиеся сферы интеллектуальной собственности (например, ст. 16 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»[151], ст. 178 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан[152]).

Также не стоит забывать и о нормах процессуального законодательства (гражданско-процессуальные и иные кодексы), регламентирующих особенности судебного процесса в области интеллектуальной собственности. Например, в ГПК Республики Беларусь (ст. 26, 45)[153] содержатся правила, касающиеся рассмотрения споров Судебной коллегией по интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод, что систематизация законодательства об интеллектуальной собственности в государствах – участниках СНГ строится на единых принципах и подходах, заложенных международными стандартами, модельным законодательством, историко-правовыми особенностями.

Но следует учитывать, что модельное законодательство, в том числе и в сфере интеллектуальной собственности, не всегда бывает до конца последовательным. Примером может служить Модельный Закон о предпринимательстве[154]. Необходимость принятия данного акта для развития национальных правовых систем постсоветских стран выглядит весьма спорно[155].

---

[148] Модельный таможенный кодекс для государств – участников СНГ: рек. законодат. акт Содружества Независимых Государств: принят на 31-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 25 ноября 2008 г., № 31–22 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2009. № 43.

[149] Закон от 10 января 2014 г. № 129-З (с изм. и доп. от 15 июля 2015 г. и 19 июня 2017 г.) // URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129.

[150] Модельный Закон о защите конкуренции: принят на 41-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 28 ноября 2014 г., № 41–11 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2015. № 62. Ч. 1.

[151] Закон от 12 декабря 2013 г. № 94-З // URL: http://pravo.by/document/?guid=3871 &p0=H11300094.

[152] Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V (с изм. и доп. по сост. на 14 января 2016 г.) // URL: http://kidi.gov.kz/docs/7120702.pdf.

[153] Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (с изм. и доп. по сост. на 8 января 2018 г.) // URL: http://etalonline.by/?type=te xt&regnum=HK9900238#load_text_none_1_

[154] Модельный Закон о предпринимательстве: рек. законодат. акт Содружества Независимых Государств: принят на 43-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 27 ноября 2015 г., № 43-8 // Информ. бюл. Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ. 2016. № 64. Ч. 1.

[155] *Богустов А.А.* Проблемы развития национального законодательства государств – участников СНГ в свете принятия Модельного закона «О предпринимательстве» // Национальное сознание в праве и экономике в условиях глобализации. Владимир, 2017. С. 23–30.

В ст. 22 упомянутого рекомендательного акта предпринимается попытка закрепить общие положения о регулировании отношений интеллектуальной собственности, т. е. фактически дифференцировать регламентацию данных отношений в зависимости от того, возникают они в сфере хозяйственной либо иной деятельности. Анализ рассматриваемого акта приводит к выводу о практической нецелесообразности такого разделения. Во-первых, оно приводит к неполноте правового регулирования. Например, положения Модельного Закона о предпринимательстве по общему правилу не распространяются на отношения в сфере авторского права и смежных прав, которые несомненно могут возникать и в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Во-вторых, в ряде случаев имеет место дублирование правового материала, поскольку большинство правил ст. 22 Модельного Закона о предпринимательстве носят отсылочный характер.

В связи с этим возникает вопрос о необходимости принятия некоторых модельных законов с точки зрения как их практического влияния на развитие позитивного права, так и совершенствования правовой доктрины. Недостаточное научное обоснование рекомендательных актов может привести к неприятию их национальными законодателями и усложнению процесса гармонизации права на постсоветском пространстве. Предложенный Модельным Законом о предпринимательстве механизм регулирования отношений интеллектуальной собственности не нашел практического применения в национальном праве. Исключение составляет Хозяйственный кодекс Украины[156], содержащий гл. 16 «Использование в хозяйственной деятельности результатов интеллектуальной деятельности» (ст. 154–162). Но судя по тому, что ХК Украины был принят значительно раньше Модельного Закона о предпринимательстве, в данном случае имеет место пример влияния национального права на развитие модельного законодательства.

На основании всего сказанного выше можно сделать вывод, что основная закономерность в структурировании законодательной базы состоит в двухуровневой системе, имеющейся почти во всех странах СНГ, кроме Азербайджана, где положения об интеллектуальной собственности не содержатся в ГК, и России, где в 2006 г. была реализована консолидация с элементами кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в Гражданский кодекс (о которой будет сказано далее).

Но достижение полной унификации правового регулирования отношений интеллектуальной собственности на постсоветском пространстве представляется едва ли разрешимой задачей. А.Н. Мандельштам еще на рубеже XIX–XX вв. справедливо указывал: «Утопичной и нежелательной нам кажется идея общечеловеческого гражданского права. Невозможно допустить, чтобы народы когда-нибудь отказались от всех особенностей своего юридического быта; да и если бы они отказались от них, эти особенности вскоре народились бы вновь… Условием прогресса является не только интеграция, но и дифференциация, развитие целого и частей, единство во множестве»[157].

В связи с этим возникают вопросы о том, насколько правовая база государств – участников СНГ гармонизирована и унифицирована, соответствует ли она в содержательном плане модельному законодательству СНГ. Для ответа на них предлагается провести сравнительный анализ имеющегося правового регулирования, взяв за основу Модельный Кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ.

---

[156] Господарський кодекс України, 16 січня 2003 р., № 436-IV (із змін. та доп. станом на 13.04.2017) // URL: http://consultant.parus.ua/?doc=0AOSU455 °C#BGR18

[157] *Мандельштам А.Н.* Гаагская конференция о кодификации частного права: в 2 т. Т. I: Кодификация международного частного права. СПб., 1900. С. 222.

Общие положения об интеллектуальной собственности: Модельный Кодекс и законодательство государств – участников СНГ

Прежде всего необходимо обратить внимание на некоторые особенности, прослеживающиеся в общих положениях. Ведь одна из основных проблем в законодательстве об интеллектуальной собственности – это отсутствие терминологического единства. Немало копий сломано в поисках истинного содержания и соотношения понятий «интеллектуальная собственность», «право интеллектуальной собственности», «интеллектуальное право», «исключительное право». Эта проблема не обошла стороной ни модельное законодательство стран СНГ, ни правовые акты конкретных государств-участников.

Разногласия начинаются уже в рамках самих модельных актов, призванных регулировать отношения в сфере интеллектуальной собственности. Итак, первоначальная редакция раздела V Модельного Гражданского кодекса СНГ[158], на основе которой принималось большинство актов кодифицированного законодательства отдельных государств, хотя и вводила понятие «право интеллектуальной собственности», но не давала ему определение, содержание же данного понятия также было весьма размыто.

Так, ст. 1037 провозглашала, что «*обладателю имущественных прав* на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации *принадлежит исключительное право* правомерно использовать этот объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом», далее отмечалось, что «обладатель *исключительного права* на объект интеллектуальной собственности вправе *передать это право* другому лицу полностью или частично, вправе разрешить другому лицу использовать этот объект и вправе распорядиться им иным образом, если это не противоречит правилам настоящего Кодекса и других законов», а уже следующая ст. 1038 предусматривала, что «*имущественные права*, принадлежащие обладателю исключительных прав на объект интеллектуальной собственности, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или другим законом, *могут быть переданы* их правообладателем полностью или частично другому лицу по договору, а также переходят в порядке универсального правопреемства по наследству и в результате реорганизации юридического лица-правообладателя».

Таким образом, имелась явная путаница в категориях «интеллектуальная собственность», «исключительное право», «имущественное право». Положения, аналогичные указанным, до сих пор остаются в гражданских кодексах некоторых государств – участников СНГ (например, в Беларуси, Киргизии и Узбекистане).

Подход к содержанию права интеллектуальной собственности был изменен в новой редакции Модельного Гражданского кодекса СНГ от 2003 г.[159] Согласно обновленной ст. 1037 «1. Обладателю права интеллектуальной собственности принадлежат исключительные права в отношении результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, которые защищаются против всех и каждого. 2. Исключительные права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации включают личные неимущественные и имущественные правомочия, состав которых применительно к конкретным объектам интеллектуальной собственности определяется соответствующими законами с учетом положений настоящего Кодекса».

---

[158] Модельный Гражданский кодекс для государств – участников СНГ (часть третья), принят на 7-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 17 февраля 1996 г., № 7–4 // Прил. к Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10.

[159] Раздел V «Интеллектуальная собственность» части третьей модельного Гражданского кодекса для государств – участников СНГ: принят на 21-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 16 июня 2003 г., № 21-7 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2003. № 31.

К принятию Модельного Кодекса интеллектуальной собственности в 2010 г. содержание права интеллектуальной собственности претерпело дальнейшие изменения. Во-первых, Модельный Кодекс интеллектуальной собственности раскрывает понятие «право интеллектуальной собственности», определяя его как «право лица на результат интеллектуальной, творческой деятельности или на иные приравненные к ним объекты, конкретный перечень которых установлен настоящим Кодексом и другими законами» (ст. 4).

Во-вторых, в данной статье говорится, что право интеллектуальной собственности составляют личные неимущественные и (или) имущественные права, содержание которых в отношении определенных объектов права интеллектуальной собственности определяется Кодексом и другими законами. Что касается исключительного права, то само понятие не раскрывается, но отмечается, что «исключительное право разрешать использование объекта интеллектуальной собственности» и «исключительное право препятствовать неправомерному использованию объекта интеллектуальной собственности, в том числе запрещать такое использование» входят в понятие имущественного права интеллектуальной собственности. Кроме того, ст. 12 гласит: «Лицо, обладающее исключительным правом разрешать или запрещать использование объекта интеллектуальной собственности, может использовать данный объект по собственному усмотрению, с соблюдением при этом прав других лиц». В частности, аналогичные нормы содержатся в ГК Украины.

В целом же, как отмечает И.В. Шугурова, указанное понимание понятия права интеллектуальной собственности является соответствующим мировой практике[160]. Однако в доктрине не все согласны и с таким пониманием права интеллектуальной собственности.

Так, В.А. Дозорцев, являясь основоположником концепции «интеллектуальных прав» в России, писал, что термин «интеллектуальная собственность» в отрыве от проприетарной концепции условен, он имеет политическое и экономическое, но не юридическое содержание, а наиболее верным будет использовать понятие «исключительные права», имеющее имущественную природу, а также предполагающееся возможность перехода (передачи) от одного лица к другому, срочность, территориальный характер действия[161]. В совокупности с личными неимущественными правами исключительные права составляют систему интеллектуальных прав. Такой подход реализован в ГК РФ.

Однако еще одна особенность российского законодательства об интеллектуальной собственности заключается в наличии третьей категории прав, входящих в интеллектуальные права, – иные права. Определения иных прав ГК РФ не содержит, относя к ним разнородные права, которые не удалось отнести ни к первой, ни ко второй категории. Например, право следования, права доступа, право преждепользования.

Подобное регулирование было перенято и некоторыми иными странами Содружества.

Например, в ГК Туркменистана[162] теперь содержится ст. 1053 «Интеллектуальные права». Данная статья гласит: «Интеллектуальными правами признаются права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Интеллектуальные права включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных законодательством Туркменистана, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие)». Интересно, что в ГК Туркменистана при этом сохраняется ст. 174 «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности», предусматривающая, что «в случаях и в порядке, установленных насто-

---

[160] *Шугурова И.В.* Направления гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в государствах участниках СНГ // Современное право. 2014. № 10. С. 131–139.

[161] *Дозорцев В.А.* Новая эра в охране исключительных прав // Интеллектуальные права: Понятие; Система; Задачи кодификации: сб. статей. М., 2003. С. 14.

[162] Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-I (с изм. и доп. по сост. на 22 декабря 2012 г.) // http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=14673

ящим Кодексом и иными законами, признается *исключительное право (интеллектуальная собственность)* физического или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализация продукции, выполняемых работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т. п.)».

Кроме того, предложения по реформированию национального законодательства по российскому образцу встречаются в доктрине Республики Казахстан. Например, С.А. Есмаганбетов отмечает, что «новеллы российского законодательства, несомненно, скажутся на законодательстве соседних государств СНГ в силу близости законодательных принципов и общности правовых традиций. Поэтому следует задуматься над введением термина «интеллектуальные права» в Гражданском кодексе Республики Казахстан» [163].

Таким образом, единство в понимании основных положений права интеллектуальной собственности не наблюдается как на уровне модельного законодательства СНГ, так и на уровне отдельных государств. Подход российского законодательства представляет собой значимый опыт для стран Содружества, однако представляется, что государствам – участникам СНГ не стоит спешить с его слепой рецепцией. Стоит прежде всего учитывать национальные правовые особенности, а также Модельный Кодекс интеллектуальной собственности, который предлагает достаточно полную и гибкую регламентацию общих положений права интеллектуальной собственности.

Объекты интеллектуальной собственности: Модельный Кодекс и законодательство государств – участников СНГ

Для дальнейшего анализа влияния Модельного Кодекса интеллектуальной собственности на систематизацию законодательства об интеллектуальной собственности на уровне конкретных стран Содружества целесообразным представляется рассмотреть отдельные объекты интеллектуальной собственности, охрана которых закрепляется в Кодексе, и сравнить их регулирование в модельном законодательстве и в национальных нормативных правовых актах. Итак, Модельный Кодекс интеллектуальной собственности состоит из 13 глав, десять из которых (помимо общих положений и способов распоряжения имущественными правами интеллектуальной собственности) посвящены охране конкретных объектов интеллектуальной собственности: объекты авторского права, объекты смежных прав, научное открытие, изобретение, полезная модель, промышленный образец, рационализаторское предложение, селекционное достижение, коммерческое (фирменное) наименование, товарный знак и знак обслуживания, географическое указание, коммерческая тайна.

Для удобства читателей представляем сводную таблицу, в которой отображено наличие или отсутствие правовой охраны (с указанием выявленных особенностей) каждого из вышеприведенных объектов интеллектуальной собственности в государствах – участниках СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина).

Прежде всего рассмотрим объекты авторского права как традиционную основу интеллектуальной собственности.

Итак, гл. 2 Модельного Кодекса интеллектуальной собственности именуется «Право интеллектуальной собственности на литературное, художественное и другое произведение». В Кодексе приводится неисчерпывающий перечень объектов авторского права; дается перечень объектов, не охраняемых авторским правом; указываются субъекты авторского права;

---

[163] *Есмаганбетов С.А.* Интеллектуальные права… или интеллектуальная собственность? // Интеллектуальная собственность Казахстана. 2015. № 2. С. 31–34.

закрепляются личные неимущественные права и имущественные права авторов; регламентируются случаи правомерного использования произведения без согласия автора; провозглашается право автора на вознаграждение; закрепляется порядок перехода объектов авторского права в общественное достояние.

В целом в Кодексе приводятся общие основы правового регулирования в области авторского права, которые необходимо рассматривать в совокупности с Модельным Законом «Об авторском праве и смежных правах»[164], который регулирует авторское право намного более подробно. В Законе имеется ряд определений основных терминов, отдельные объекты авторского права получили более полную регламентацию, закреплены отдельные имущественные права авторов, раскрываются случаи свободного использования объектов авторского права, детализируется режим такого использования, регламентируются способы распоряжения имущественными авторскими правами.

	Объекты авторского права	Объекты смежных прав	Изобретение, полезная модель, промышленный образец	Научное открытие	Рационализаторское предложение	Топология (топография) интегральной микросхемы	Селекционное достижение (сорта растений; породы животных)	Коммерческое (фирменное) наименование	Товарный знак и знак обслуживания	Географическое указание (наименование места происхождения)	Коммерческая тайна (секрет производства / ноу-хау)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Азербайджан	+	+	+			+	+	Нет специального закона, в ГК только положения о фирменном наименовании как атрибуте коммерческой организации	+	+ Географическое указание	+ Особенность: определение ноу-хау как сведений, отнесенных как к результату умственной деятельности к коммерческой тайне, не охраняемых патентом согласно законодательству или по соображениям владельца
Армения	+	+	+			+	+	+	+	+ Наименование места происхождения	+ Отдельного закона нет. Понятие «коммерческая тайна» отождествляется с секретом производства. Охрана нераскрытой информации в рамках законодательства об интеллектуальной собственности (ГК)

[164] Модельный Закон об авторском праве и смежных правах: принят на 26-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 18 ноября 2005 г., № 26–13 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2006. № 37.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Беларусь	+	+	+		+	+	+	+ Нет специального закона, но есть нормы в ГК (ст. 1013–1016)	+	+ Географическое указание	+ Кроме коммерческой тайны (Закон «О коммерческой тайне») имеется охрана секрета производства (ноу-хау) в рамках законодательства об интеллектуальной собственности (ГК)
Казахстан	+	+	+			+	+	+ Нет специального закона, но есть нормы в ГК (ст. 1020–1024)	+	+ Наименование места происхождения	+ Отдельного закона нет. Понятие «коммерческая тайна» отождествляется с секретом производства. Охрана нераскрытой информации в рамках законодательства об интеллектуальной собственности (ГК)
Кыргызстан	+	+	+		+	+	+	+	+	+ Наименование места происхождения	+ Кроме Закона «О коммерческой тайне» имеется охрана нераскрытой информации (в том числе секрета производства) в рамках законодательства об интеллектуальной собственности (ГК)
Молдова	+	+	+		+	+	+	+ Нет специального закона, упоминание о фирменном наименовании в общей норме ГК «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности» (ст. 301)	+	+ Географическое указание, наименование места происхождения и гарантированных традиционных продуктов	+

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Россия	+	+	+			+	+	+ Помимо фирменного наименования в качестве объекта интеллектуальной собственности выделяется коммерческое обозначение	+	+ Наименование места происхождения	+ Кроме Закона «О коммерческой тайне» имеется охрана секрета производства в рамках законодательства об интеллектуальной собственности (ГК)
Таджикистан	+	+	+			+	+	+ В ГК есть ряд положений о фирменном наименовании как обязательном атрибуте коммерческой организации, объекте гражданских прав, охраняемом средстве индивидуализации	+	+ Географическое указание	+
Туркменистан	+	+	Кроме полезных моделей			+	+	+ В ГК есть ряд положений о фирменном наименовании как обязательном атрибуте коммерческой организации, объекте гражданских прав, охраняемом средстве индивидуализации	+	+ Наименование места происхождения	+ Кроме Закона «О коммерческой тайне» в ГК упоминается (но подробно не регламентируется) секрет производства как объект интеллектуальной собственности

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Узбекистан	+	+	+			+	+	+	+	+ Наименование места происхождения	+ Кроме Закона «О коммерческой тайне» имеется охрана нераскрытой информации (в том числе секрета производства) в рамках законодательства об интеллектуальной собственности (ГК)
Украина	+	+	+	+	+	+	+	+ Нет специального закона, но есть нормы в ГК и ХК. Особенность: наравне с термином «фирменное именование» используется понятие «коммерческое наименование»	+	+ Географическое указание, указание происхождения товаров	+ Нет специального закона. Коммерческая тайна признается объектом интеллектуальной собственности (ГК и ХК)

Данные положения отвечают международно-правовым стандартам, заложенным Всемирной конвенцией об авторском праве, Бернской конвенцией, Договором ВОИС по авторскому праву и иными международными актами. То есть можно говорить о том, что ранее упоминавшаяся тенденция правовой инфильтрации наиболее ярко проявляется именно в модельном законодательстве об авторском праве. В литературе высказывается справедливое мнение[165], что принципы Бернской конвенции оказали серьезное влияние на положения Модельного Закона об авторском праве 2005 г. Более того, утверждение новой редакции этого Закона может быть объяснено тем, что большинство стран СНГ присоединились к Бернской конвенции уже после принятия Модельного Закона об авторском праве 1996 г. Например, Беларусь стала членом Бернского союза в 1997 г., Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан – в 1999 г., Армения и Таджикистан – в 2000 г., Узбекистан – в 2005 г.[166] Правовая инфильтрация в данном случае вызвана особенностями самой Бернской конвенции, присоединение к которой требует внесения в национальное законодательство изменений и дополнений. А модельные акты пытаются выработать единый механизм практической реализации подобных поправок.

Что касается отдельных государств – участников СНГ, то во всех странах, кроме России (где положения об авторском праве сосредоточены в ГК РФ), имеются законы об авторском праве и смежных правах, которые по содержанию соответствуют Модельному Кодексу интеллектуальной собственности. Как отмечается в Аналитическом обзоре 2015 г., подготовленном Исполнительным комитетом СНГ, «структура, содержание и понятийный аппарат каждого из национальных законов практически идентичны, поскольку законодательство государств – участников СНГ в данной сфере гармонизировано в соответствии с нормами международного права»[167].

Данный вывод справедлив и для смежных прав. В Модельном кодексе интеллектуальной собственности (гл. 3) регламентируются объекты смежных прав (исполнение, фонограммы, программы (передачи) вещательных организаций), субъекты смежных прав, порядок возникновения и осуществления смежных прав; закрепляются личные неимущественные права и имущественные права исполнителей, производителей фонограмм, вещательных организаций; регламентируется порядок ограничения смежных прав, срок действия. Более подробное законодательство предусматривается Модельным Законом «Об авторском праве и смежных правах», а также законами конкретных государств.

---

[165] *Богустов А.А.* Отличительные черты модельного законодательства для государств – участников СНГ о праве интеллектуальной собственности // Вестник БарГУ. Сер. Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2016. Вып. 4. С. 105–106.

[166] Страны Бернского союза // URL: http://www.triposhina.ru/bern.html

[167] Развитие и деятельность Содружества Независимых Государств в 2015 г. (Сборник информационно-аналитических материалов. Вып. № 4). Минск, 2016 // URL: http:// www.e-cis.info/

Кроме того, законодательство в сфере авторского права и смежных прав всех государств – членов СНГ предусматривает ответственность за нарушение соответствующих положений (возможно привлечение к гражданской, административной и уголовной ответственности в установленном порядке).

Например, Законом Кыргызской Республики «Об авторском праве и смежных правах»[168] предусмотрено, что за нарушение авторских и смежных прав наступает гражданская, уголовная и административная ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики (ст. 48). А в ст. 49 раскрываются гражданско-правовые и иные меры защиты авторских и смежных прав, состоящие в: 1) признании прав; 2) восстановлении положения, существовавшего до нарушения права; 3) пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; 4) возмещении убытков; 5) взыскании дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения авторских и смежных прав, вместо возмещения убытков; 6) выплате компенсации в сумме от 20 до 50 000 минимальных размеров оплаты труда, устанавливаемых законодательством Кыргызской Республики, определяемой по усмотрению суда, вместо возмещения убытков или взыскания дохода; 7) принятии иных предусмотренных законодательными актами мер, связанных с защитой их прав.

Отдельно необходимо отметить проблемы, с которыми сталкиваются страны СНГ в сфере авторского права и смежных прав в рамках становления цифровой среды, развития информационных технологий. Модельное законодательство об интеллектуальной собственности не позволяет обеспечить эффективную охрану в цифровой среде, возникает постоянная необходимость реформировать как национальное, так и модельное законодательство, вносить соответствующие изменения и дополнения.

Например, согласно Аналитическому обзору 2015 г. в законы государств – членов СНГ были включены новые правомочия авторов, исполнителей, производителей фонограмм, организаций эфирного и кабельного вещания, связанные с развитием информационных технологий и Интернета. Кроме того, можно отметить и положительный опыт России, активно реформирующей авторское право согласно требованиям информационного общества. В частности, в рамках поправок 2014 г. в ГК РФ был введен институт залога исключительных прав, появилась процедура публичного заявления правообладателя о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащий ему объект авторского права или смежных прав, был введен механизм открытой (свободной) лицензии[169].

Отрадно, что и другие страны СНГ уже ведут работу по адаптации собственного законодательства об авторском праве и смежных правах к современным реалиям.

Например, в Беларуси создана рабочая группа для подготовки изменений и дополнений в Закон «Об авторском праве и смежных правах». В рамках ее деятельности планируется создать правовую основу для использования свободных лицензий, а также расширить возможность свободного доступа к объектам авторского права для слепых, слабовидящих и иных лиц с ограниченными возможностями в восприятии текста в соответствии с Марракешским договором об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям (от 27 июня 2013 г.)[170].

---

[168] Принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 16 декабря 1997 г. (с изм. и доп. по сост. на 9 марта 2017 г.) // URL: https://online.zakon. kz/m/document/?doc_id=31242144

[169] Поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации, вступающие в силу в 2013–2018 гг. (подготовлено экспертами компании «Гарант») // URL: http://base. garant.ru/5762325/

[170] *Старовойтова И.* Открытые лицензии Creative Commons предлагается ввести в белорусский закон об авторском праве // Новости Белоруссии. Белта. 23 июня 2017 г. // http://www.belta.by/society/view/otkrytye-litsenzii-creative-commons-predlagaetsja-vvesti-v-belorusskij-zakon-ob-avtorskom-prave-254118-2017/

Что касается объектов изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, то их правовая регламентация на уровне СНГ содержится в гл. 5 Модельного Кодекса «Права интеллектуальной собственности на изобретение, полезную модель, промышленный образец». В Кодексе указаны условия патентоспособности каждого из названных объектов; говорится о роли патента как удостоверении права интеллектуальной собственности на соответствующий объект; регулируется субъектный состав; закрепляются имущественные права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, а также регламентируются срок и режим прекращения их действия; предусматривается право преждепользования. Данные положения основываются на международно-правовых актах в этой сфере – на Парижской конвенции, Договоре о патентной кооперации 1970 г. (Вашингтонский договор), Евразийской патентной конвенции 1994 г. и др.

Отдельно необходимо отметить роль Евразийской патентной конвенции[171], которая ввела региональный патент – евразийский патент, действующий на территории государств – участников Конвенции, что значительно упрощает порядок получения охраны прав на изобретения. Участники данной Конвенции – это восемь стран Содружества (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Туркменистан). Что касается национального законодательства, то в целом оно достаточно гармонизировано и унифицировано. В каждом государстве-участнике имеется разработанное на основе Модельного Кодекса и международных соглашений законодательство: Закон «О патенте» – в Азербайджанской Республике; Закон «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» – в Республике Армения; Закон «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» – в Республике Беларусь, законы «Об охране изобретений», «Об охране промышленных рисунков и моделей» – в Республике Молдова, «Патентный закон» – в Республике Казахстан и Кыргызской Республике, гл. 72 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) – в Российской Федерации, законы «Об изобретениях», «О промышленных образцах» – в Республике Таджикистан, Закон «Об изобретениях и промышленных образцах» – в Республике Туркменистан, Закон «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» – в Республике Узбекистан, Закон «Об охране прав на изобретения и полезные модели» – в Республике Украина.

Каждый из этих нормативных правовых актов содержит детализированное законодательство, направленное на эффективную охрану изобретений, полезных моделей, промышленных образцов.

В частности, в национальном законодательстве значимая роль отводится условиям патентоспособности, процедуре получения патента (установлению приоритета, порядка подачи заявки, проведения ее экспертизы, регистрации и выдачи охранного документа), правам автора и правообладателя, регулированию исключительных прав на изобретение, полезную модель и промышленный образец, ответственности за нарушение патентного законодательства, а также государственному регулированию. Важно отметить, что в законах определены уполномоченные государственные органы в сфере охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Как отмечается в Аналитическом обзоре 2015 г., в большинстве случаев это Патентные ведомства (в Кыргызской Республике, Российской Федерации) или Агентства по интеллектуальной собственности (в Республике Молдова, Республике Узбекистан), на которые возложены функции государственного регулирования в области охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов.

Однако нельзя обойти стороной и проблемы патентного законодательства государств-участников СНГ. Например, законодательство Туркменистана не предусматривает правовую охрану полезных моделей.

---

[171] Евразийская патентная конвенция (заключена в г. Москве 9 сентября 1994 г.) (СПС «КонсультантПлюс»).

Кроме того, в странах СНГ в последнее время остро стоит проблема поиска баланса интересов в использовании института принудительного лицензирования[172]. Не во всех странах достаточным образом закреплены права автора и правообладателя, но ведется активная работа по решению указанных проблем. Например, в Кыргызской Республике принят Закон Кыргызской Республики от 25 января 2013 г. № 8 «О внесении изменений и дополнений в Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. № 8 «Патентный закон», в котором предусматриваются дополнительные процедуры предоставления прав владельцам патентов: вводится право залога, восстановления патента, послепользования и др.

Наиболее неоднозначными объектами, которые, согласно Модельному Кодексу интеллектуальной собственности, охраняются правом интеллектуальной собственности, являются научные открытия и рационализаторские предложения. Как уже отмечалось, их наличие в Кодексе во многом объясняется советским прошлым, наличием охраны соответствующих объектов в законодательстве СССР. Тем не менее в последние десять лет некоторые государства сознательно возобновили правовую охрану данных объектов. В особенности это относится к рационализаторскому предложению, которое, по данным, представленным на сайте ВОИС, на сегодняшний день охраняется в Республике Беларусь, Казахстане, Кыргызстане, Молдове и Украине[173].

Так, согласно Положению о рационализаторстве в Республике Беларусь, принятому в 2010 г., «рационализаторским предложением признается техническое решение, предусматривающее создание или изменение конструкции изделия, технологии производства и применяемой техники, состава материала, являющееся новым и полезным для юридического лица, в адрес которого оно поступило, а также новое для него организационное решение, предусматривающее экономию и рациональное использование трудовых, топливно-энергетических и материальных ресурсов или иной положительный эффект»[174]. Кроме того, в Положении говорится, что «право признаваться автором рационализаторского предложения и право на вознаграждение за использование рационализаторского предложения принадлежит гражданину, творческим трудом которого оно создано», регламентируются условия и порядок признания права на рационализаторское предложение. В целом данное Положение, а также соответствующие нормативные правовые акты Кыргызстана и Молдовы согласуются с Модельным Кодексом интеллектуальной собственности и Модельным Законом о рационализаторской деятельности 2012 г.[175]

В законодательстве Украины также в качестве объекта интеллектуальной собственности значится научное открытие (гл. 38 ГК Украины «Право интеллектуальной собственности на научные открытия» состоит из двух статей: ст. 457 «Понятие научного открытия» и ст. 458 «Право на научное открытие»). Украина – единственная страна – член СНГ, закрепляющая подобный объект интеллектуальной собственности. Во многом это связано с самой структурой ГК Украины в части об интеллектуальной собственности, которая практически идентична Модельному Кодексу интеллектуальной собственности.

В других же государствах, напротив, научное открытие не отнесено действующим законодательством к объектам права интеллектуальной собственности. Неприятие национальным правом положений модельного законодательства об охране научных открытий может быть

---

[172] *Ворожевич А.С.* Условия принудительного лицензирования: международный и национальный аспект // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 2 (СПС «КонсультантПлюс»).

[173] По данным ВОИС (WIPO Lex) // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/results.js p?countries=&countries=KZ&countries=KG&countries=MD&countries=UA&cat_id=20

[174] Положение о рационализаторстве в Республике Беларусь, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2010 г. № 209 // URL: http:// www.pravo.by/pdf/2010-45/2010-45(009–018). pdf

[175] Модельный Закон о рационализаторской деятельности: принят на 37-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 17 мая 2012 г., № 37-5 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2012. № 55.

объяснено рядом причин. Высказывается мнение, что к их числу относятся невозможность четкого разграничения охраняемых и неохраняемых научных открытий; отсутствие у автора имущественных прав, что само по себе фактически выводит открытие из числа объектов интеллектуальной собственности; возможность возникновения коллизий с механизмами предоставления охраны иным объектам (например, изобретениям)[176].

Тем не менее, нельзя оспаривать значимость открытий как результатов научно-исследовательской деятельности, создающих условия для эффективного технологического и экономического развития. Более того, в доктрине высказываются предложения по разработке системы мер охраны прав лиц, совершивших открытие, вне рамок законодательства об интеллектуальной собственности[177].

Далее необходимо отметить, что законодательство всех государств – участников СНГ предусматривает охрану такого объекта интеллектуальной собственности, как топологии интегральных микросхем. Примером может служить Закон Республики Беларусь «О правовой охране топологий интегральных микросхем»[178]. В целом положения национального законодательства по содержанию достаточно единообразны, соответствуют международно-правовым стандартам и основываются на Модельном Кодексе интеллектуальной собственности. Глава 6 Кодекса содержит условия охраноспособности топологии интегральных микросхем; закрепляет то, что приобретение права интеллектуальной собственности удостоверяется свидетельством; регулирует субъектный состав; гарантирует имущественные права интеллектуальной собственности на топологию интегральных микросхем, а также регламентирует срок и режим прекращения их действия; предусматривается право преждепользования.

Кроме того, Кодекс предоставляет охрану селекционным достижениям (гл. 8 «Право интеллектуальной собственности на сорт растений, породу животных»). Согласно ст. 77 право интеллектуальной собственности на сорт растений, породу животных составляют: личные неимущественные права интеллектуальной собственности на сорт растений, породу животных, удостоверенные государственной регистрацией; имущественные права интеллектуальной собственности на сорт растений, породу животных, удостоверенные патентом; имущественное право интеллектуальной собственности на распространение сорта растений, породы животных, удостоверенное государственной регистрацией. Кроме того, в Кодексе закрепляются субъекты права интеллектуальной собственности на селекционное достижение, регламентируются имущественные права, срок их действия и порядок прекращения.

Данные нормы являются основой для законодательства отдельных государств Содружества. Не считая России с ее «исчерпывающей кодификацией» законодательства об интеллектуальной собственности, другие страны – участники СНГ приняли отдельные законы, направленные на охрану селекционных достижений: это либо один закон о селекционных достижениях (Азербайджан, Армения, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), либо два отдельных закона – «О племенном деле в животноводстве» и «Об охране прав на сорта растений» (Беларусь, Киргизия, Молдова, Украина).

Кроме результатов интеллектуальной деятельности Модельный Кодекс интеллектуальной собственности устанавливает правовой режим средств индивидуализации: коммерческие (фирменные) наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания. Глава 9 «Право интеллектуальной собственности на коммерческое (фирменное) наименование» состоит из трех статей: правовая охрана коммерческого (фирменного) наименования, имущественные права интеллектуальной собственности на коммерческое (фирменное)

---

[176] См.: *Богустов А.А.* Проблема определения научного открытия как объекта интеллектуальной собственности // Наука, образование, культура. Т. 1. Комрат, 2017. С. 165–166; *Он же.* Корреляция характера прав на научное открытие и возможности признания его объектом интеллектуальной собственности // Перспективы развития права. Вильнюс, 2017. С. 355–359.

[177] *Салицкая Е.А.* Научное открытие как объект правовой охраны // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 54–82.

[178] от 7 декабря 1998 г. № 214-З (с изм. и доп. по сост. на 17 мая 2011 г.) // URL: belgospatent.by/russian/docs/zakon_im.doc#

наименование, прекращение действия имущественных прав интеллектуальной собственности на коммерческое (фирменное) наименование.

Кроме того, в 2013 г. был принят Модельный Закон «О фирменных наименованиях»[179]. Модельный Кодекс интеллектуальной собственности, как видим, приравнивает фирменное и коммерческое наименование, не выделяя коммерческого обозначения как объекта интеллектуальной собственности (это предусматривается в ГК РФ). Более того, Закон также говорит только о фирменных наименованиях, дополняя содержание Кодекса. В частности, в Законе дается определение фирменного наименования как обозначения юридического лица, которое дает возможность отличить это лицо от других и не вводит потребителей в заблуждение относительно настоящей его деятельности.

Стоит сказать, что термин «фирменное наименование» в контексте перевода Парижской конвенции 1883 г. достаточно дискуссионен, весьма спорным решением является охрана законодательством об интеллектуальной собственности фирменных наименований в сложившемся понимании этого термина[180].

Во многом в силу такой неоднозначности правовое регулирование на уровне отдельных государств – членов СНГ недостаточно гармонизировано и унифицировано. В ряде одних государств имеются специальные законы о фирменных наименованиях, построенные по модели Модельного Закона (Армения, Киргизия, Узбекистан), в ряде других отдельные законы не приняты, но общие нормы, гарантирующие охрану фирменных наименований как объектов интеллектуальной собственности, закреплены в гражданских кодексах государств (Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан). Небольшой объем предписаний национальных гражданских кодексов о фирменных наименованиях приводит к принятию подзаконных актов, регулирующих отношения в данной сфере. Примером этого может служить белорусское право[181].

Однако в Гражданском кодексе Азербайджана[182] фирменные наименования рассматриваются только как атрибут коммерческой организации, в частности, «юридическое лицо, фирменное наименование которого зарегистрировано в установленном законом порядке, имеет исключительное право его использования». Специальных норм в сфере интеллектуальной собственности не имеется, единственное упоминание о фирменном наименовании содержится в ст. 6 Закона «О товарных знаках и географическом указании»[183], где в качестве основания для отказа в регистрации товарного знака приводятся «фирменные наименования (части фирменных наименований), которые охраняются в Азербайджанской Республике, на имя других лиц по идентичным или аналогичным товарам либо услугам до истечения срока приоритета товарного знака или определены как общеизвестные, или могут отличаться потребителями и производителями при использовании, не регистрируются в качестве товарных знаков, идентичные или схожие с ними до такой степени, что могут быть смешаны с ними». Впрочем, в доктрине

---

[179] Модельный Закон о фирменных наименованиях, принят на 39-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 29 ноября 2013 г., № 39–13 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2014. № 60. Ч. 2.

[180] *Рожкова М., Ворожевич А*. Фирменное наименование – «чужой» среди объектов интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2014. № 10. С. 57–68.

[181] См.: Положение о порядке согласования наименований коммерческих и некоммерческих организаций: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 февраля 2009 г., № 154 (с изм. и доп. по сост. на 18 августа 2014 г.) // URL: http:// www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20900154; О согласовании наименований юридических лиц, утв. Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 5 марта 2009 г., № 20 (с изм. и доп. по сост. на 6 октября 2010 г.) // URL: grodno.gov. by/sm_full.aspx?guid=1773

[182] Гражданский кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 779-IQ) (с изм. и доп. по сост. на 7 апреля 2017 г.) // URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420111

[183] Закон Азербайджанской Республики от 12 июня 1998 г. № 504-IQ (с изм. и доп. по сост. на 22 ноября 2013 г.) // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_ id=222682

такая ситуация объясняется слабым уровнем развития отрасли, необходимостью разработки специальных норм, направленных на охрану фирменного наименования[184].

Еще интереснее ситуация, сложившаяся в украинском законодательстве, где наравне с термином «фирменное именование» используется понятие «коммерческое наименование».

Гражданский кодекс Украины[185] полностью повторяет положения Модельного Кодекса интеллектуальной собственности относительно права на фирменное наименование. Статья 159 Хозяйственного кодекса Украины[186] говорит уже непосредственно о коммерческом наименовании, закрепляя право субъекта хозяйствования – юридического лица или гражданина-предпринимателя на коммерческое наименование. То есть указанные субъекты вправе, но не обязаны иметь коммерческое наименование. Важно отметить, что регистрация фирменного наименования не является обязательной. Сведения о коммерческом наименовании могут вноситься в реестры, порядок ведения которых устанавливается законом.

В данном контексте интересно проанализировать опыт РФ, где в ГК предусматривается правовая охрана как фирменного наименования, так и коммерческого обозначения. Право на фирменное наименование выступает и как обязательный атрибут коммерческой организации, и как объект интеллектуальной собственности, исключительное право на который возникает со дня государственной регистрации юридического лица и прекращается в момент исключения фирменного наименования из Единого государственного реестра юридических лиц в связи с прекращением юридического лица либо изменением его фирменного наименования. Фирменное наименование должно быть обязательно указано в учредительных документах. Что касается коммерческого обозначения, то указания на него в документации организации не требуется. Обязательной регистрации коммерческого обозначения также не предусмотрено, исключительное право возникает с момента первого использования при наличии различительной способности этого обозначения, а прекращается, если правообладатель не использует его непрерывно в течение года. Кроме того, коммерческие обозначения, в отличие от фирменного наименования, могут иметь не только коммерческие организации, но и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели. Оно может быть представлено как в словесной форме, так и в графической. Вообще, несмотря на достаточно высокий уровень российского законодательства в данной области относительно других стран – участниц СНГ, содержание права на фирменное наименование и коммерческое обозначение порождает многочисленные споры и дискуссии.

Довольно неоднозначным является и такой объект интеллектуальной собственности, как географическое указание. В Модельном Кодексе интеллектуальной собственности ему посвящена гл. 11, определяющая порядок приобретения и субъектов права интеллектуальной собственности на географическое указание, а также раскрывающая конкретные правомочия, входящие в состав прав интеллектуальной собственности на географическое указание, устанавливающая срок их действия. Интересно, что Модельный Гражданский кодекс говорит не о географических указаниях, а о наименовании места происхождения (указании происхождения) товара.

Нет терминологического единства и на национальном уровне.

Так, в законодательстве Азербайджана, Беларуси, Таджикистана, Украины закрепляется понятие «географическое указание», а в законодательстве Казахстана, Киргизии, России, Туркменистана, Узбекистана – «наименование места происхождения товара». Кроме того, в

---

[184] *Мамедов З.* Правовая охрана фирменных наименований в Азербайджане: проблемы и перспективы. Науковий вісник Ужгородського національного університету, 2015. Сер. Право. Вип. 35. Ч. II. Т. 1. С. 189–192.

[185] Гражданский кодекс Украины 2016: ГК Украины и комментарий: Цивільний кодекс України: ЦК України // URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T030435. html

[186] Хозяйственный кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 436-IV (с изм. и доп. по сост. на 13 апреля 2017 г.) // URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_ id=30418746

законах Армении[187] и Молдовы[188] содержатся и географические указания, и наименования мест происхождения и гарантированных традиционных продуктов. В украинском законодательстве помимо термина «географическое указание», используемого в ГК, существует Закон «Об охране прав на указание происхождения товаров»[189], в котором также предусматривается охрана простого указания происхождения товаров и квалифицированного, включающего в себя название места происхождения товаров и географическое указание происхождения товаров. В белорусском праве отношения, связанные с географическими указаниями, также урегулированы специальным законом[190], который предусматривает охрану наименований мест происхождения товара и указаний происхождения товара.

Безусловно, такое терминологическое разнообразие не способствует гармонизации и унификации. Однако имеются ли значимые содержательные различия в законодательстве государств-участников СНГ?

Прежде всего стоит отметить, что разница между географическим указанием и наименованием места происхождения товара не всегда однозначна, а заключается она, как отмечает О.Ю. Широкова, в том, что «специфическое качество товара, обозначенного географическим указанием, обосновывается только географическим происхождением этого товара, его производство и/или переработка, и/или изготовление имеют место в обозначенной географической зоне. В то время как товары, обозначенные наименованием места происхождения, приобретают особые свойства не только благодаря своему географическому происхождению, но и в том числе благодаря природным и человеческим факторам»[191].

В целом каждое государство – участник СНГ независимо от терминологии, используемой в законодательстве, идет по пути предоставления наиболее полной охраны, включая как географические указания, так и наименование места происхождения товара. Во многом это следует из международных обязательств, взятых на себя странами – участницами СНГ (например, Парижская конвенция, Соглашение ТРИПС).

Так, в России, где в качестве средства индивидуализации признаются только наименования места происхождения товара, наблюдается расширение понятия «наименование места происхождения товара». В 2010 г. п. 1 ст. 1516 ГК РФ был дополнен новым положением, предусматривающим предоставление охраны в качестве наименования места происхождения товара также обозначению, которое не является наименованием географического объекта, но стало известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого отвечают требованиям, указанным в определении наименования места происхождения товара[192]. Кроме того, имеются нормативные правовые акты, прямо устанавливающие охрану географических указаний. Например, Постановление Правительства РФ, утвердившее Соглашение о мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний[193].

---

[187] Закон Республики Армения от 29 апреля 2010 г. «О географических указаниях» // URL: http://www.wipo.int/wipolex/es/text.jsp?file_id=435425

[188] Закон Республики Молдова от 27 марта 2008 г. № 66-XVI «Об охране географических указаний, наименований мест происхождения и гарантированных традиционных продуктов» (с изм., внес. Законом от 26 мая 2016 г. № 101) // URL: http://www.wipo.int/ wipolex/en/text.jsp?file_id=421830

[189] от 16 июня 1999 г. № 752-XIV (с изм. и доп. по сост. на 16 октября 2012 г. // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30849589

[190] Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З «О географических указаниях» (с изм. и доп. по сост. на 9 июля 2012 г.) // URL: https://www.lexpatent.by/docs/ geo_law.doc

[191] *Широкова О.Ю.* Географические указания и наименования мест происхождения в соответствии с законодательством Республики Молдова и Республики Армения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 10. С. 56–61.

[192] Федеральный закон от 4 октября 2010 № 259-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (последняя редакция).

[193] Постановление Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 726.

Конечно же, Модельный Кодекс интеллектуальной собственности и законодательство всех государств – участников СНГ устанавливают охрану таких средств индивидуализации, как товарные знаки. В гл. 10 Кодекса, в которой даются понятия товарного знака и знака обслуживания, раскрывается субъектный состав, говорится о свидетельстве как удостоверении права интеллектуальной собственности на товарный знак, закрепляется порядок определения объема правовой охраны товарного знака, предусматриваются неисчерпывающий перечень имущественных прав и срок их действия, устанавливается порядок прекращения правовой охраны товарного знака и знака обслуживания.

Во всех государствах – членах СНГ данные положения были восприняты в национальном законодательстве, детализированы и наполнены собственным содержанием в установленных рамках. В связи с этим в Аналитическом обзоре «Проблемы правовой охраны и защиты товарных знаков в государствах – участниках СНГ», подготовленном Исполнительным комитетом СНГ в 2016 г., отмечено: «…в законах государств – участников СНГ, регламентирующих вопросы правовой охраны и защиты товарных знаков, прослеживается их гармонизация. Это выражается в идентичном определении понятий товарного знака, наличии единых подходов к порядку и срокам их регистрации, наделении исключительными правами их владельцев, условий их использования, механизмов их правовой защиты и др.»[194].

Важно отметить, что имеющаяся гармонизация во многом строится на таких международных актах, как Парижская конвенция, Мадридская конвенция о международной регистрации товарных знаков (1891), Ниццкое соглашение о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (1957), а также на таких региональных соглашениях, как Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности (2010), Соглашение о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности (2010).

Тем не менее нельзя утверждать, что законодательство государств – членов СНГ в сфере товарных области полностью унифицировано и не нуждается в дальнейшем совершенствовании. В частности, в упомянутом Аналитическом обзоре 2016 г. говорится, что остается ряд нерешенных проблем в области правовой охраны и защиты товарных знаков. Это и проблема ретроспективных («советских») товарных знаков, и сложности, возникающие в связи с охраной прав на товарные знаки при трансграничном перемещении товаров. Кроме того, для государств – членов СНГ и Евразийского экономического союза важной задачей в сфере права на товарные знаки представляется решение вопроса легализации параллельного импорта и регулировании принципа исчерпания прав[195].

Определенные шаги на этом направлении уже сделаны. Так, в странах – частницах ЕАЭС с 2012 г. национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак заменен на региональный, который заключается в том, что не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака в отношении товаров, правомерно введенных в гражданский оборот на территориях государств – участников Соглашения, непосредственно владельцем товарного знака или другими лицами с его согласия (например, соответствующие положения предусматриваются Законом Республики Беларусь от 9 июля 2012 г. № 389-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам правовой охраны объектов промышленной собственности»). А в 2016 г. было подписано решение Межправительственной комиссии ЕЭК о подготовке изменений в ст. 16

---

[194] Аналитический обзор, подготовленный Исполнительным комитетом СНГ в 2016 г. // URL: http://cis.minsk.by/foto/pages/19180/56d6ae391464e.pdf

[195] *Абдуллаев Т.* Новости ТПП РФ. На сегодня одной из важнейших задач для ЕАЭС остается решение вопроса регулирования принципа исчерпания прав // URL: https:// tpprf.ru/ru/mobile/news/eksperty-na-mezhdunarodnoy-konferentsii-v-tpp-rf-obsudili-aktualnye-voprosy-mezhdunarodnogo-oborota-i133781

Договора о Евразийском экономическом союзе, которые позволили бы вводить режим международного исчерпания прав[196].

Последним объектом, охраняемым Модельным Кодексом, в качестве интеллектуальной собственности является коммерческая тайна. Статья 96 гласит: коммерческая тайна – это информация, являющаяся секретной в том понимании, что она в целом или в определенной форме и совокупности ее составляющих неизвестна и не легкодоступна для лиц, обычно имеющих дело с видом информации, к которому она принадлежит, в связи с чем имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность и была предметом адекватных существующим обстоятельствам мер в отношении сохранения ее секретности, принятых лицом, которое законно контролирует эту информацию. Подобное определение приводится и в Модельном Законе о коммерческой тайне 2012 г.[197] Кроме того, отмечается, что коммерческую тайну могут составлять сведения научно-технического, технологического, организационного, коммерческого, производственного и иного характера (в том числе составляющие секреты производства (ноу-хау)), за исключением тех, которые в соответствии с законом не могут быть отнесены к коммерческой тайне.

В целом модельное законодательство основано на минимальных международных стандартах по защите коммерческой тайны, гарантированных Парижской конвенцией и Соглашением ТРИПС.

Модельный Кодекс приводит неисчерпывающий перечень имущественных прав интеллектуальной собственности на коммерческую тайну, срок их действия, а также устанавливает обязанность государственных органов по охране коммерческой тайны. Модельный Закон раскрывает данные положения, а также содержит подробную регламентацию субъектов и объектов коммерческой тайны, регулирует порядок обладания коммерческой тайной и предусматривает конкретные механизмы защиты.

Многие из этих положений восприняты на уровне конкретных государств – членов СНГ. Ведь так или иначе институт коммерческой тайны охраняется в каждом из них. Тем не менее сложно сказать, что законодательство о коммерческой тайне достаточно единообразно и гармонизировано.

Главная проблема – это сам факт отнесения модельным законодательством коммерческой тайны к объектам интеллектуальной собственности. Помимо этого имеется множество практических проблем по обеспечению правовой охраны коммерческой тайны. В частности, для гармонизации законодательства крайне важно наличие единого терминологического аппарата.

К сожалению, в государствах – участниках СНГ не выработано единой позиции по разграничению понятий «коммерческая тайна» и «секрет производства (ноу-хау)». Они используются в разных значениях, наполняются различным содержанием.

Так, в законах Армении и Казахстана термины «коммерческая тайна» и «секрет производства (ноу-хау)» отождествляются, а в законодательстве Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана «коммерческая тайна» выступает обобщающим понятием, включая в себя понятие «секрет производства». Законодательство второй группы государств в большинстве своем строится на положениях Модельного закона о коммерческой тайне.

---

[196] Новости ФАС России. Тема легализации параллельного импорта в России и ЕАЭС в центре обсуждения на встрече ФАС и ОКЮР. 20 апреля 2016 г. // URL: http://old2.fas. gov.ru/press-center/news/detail.html?id=45457

[197] Модельный закон о коммерческой тайне, принят на 38-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 23 ноября 2012 г., № 38–22 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. 2012. № 56.

Однако имеются и отличающиеся подходы к правовому режиму коммерческой тайне и ноу-хау. Например, в Законе Республике Азербайджан «О коммерческой тайне»[198] приводится значительно более узкое понятие ноу-хау (сведения, отнесенные как результат умственной деятельности к коммерческой тайне, не охраняемые патентом согласно законодательству или по соображениям владельца), а в Законе Туркменистана «О коммерческой тайне»[199] понятие секрета производства (ноу-хау) вообще отсутствует. Белорусское законодательство исходит из того, что секрет производства (ноу-хау) охраняется в режиме коммерческой тайны, если он отвечает предусмотренным в законодательстве требованиям (ст. 1010 ГК и ст. 1 Закона «О коммерческой тайне»[200]).

Кроме того, в законодательстве об интеллектуальной собственности некоторых государств возникает понятие «нераскрытая информация» (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан). Соответствующие нормы повторяют положения первоначальной редакции раздела V Модельного Гражданского кодекса, в котором до 2003 г. содержался аналогичный термин. Модернизация модельного законодательства оказала влияние на национальное право некоторых государств – членов СНГ. Например, в 2013 г. была принята новая редакция гл. 66 ГК Республики Беларусь, заменившая право на защиту нераскрытой информации на защиту секрета производства (ноу-хау).

Стоит отметить и особенность законодательства Украины в сфере коммерческой тайны. Соответствующие положения Гражданского кодекса опять-таки повторяют Модельный кодекс интеллектуальной собственности, вследствие чего коммерческая тайна признается объектом интеллектуальной собственности, а понятие секрет производства (ноу-хау) специально не выделяется.

---

[198] от 4 декабря 2001 г. № 224-IIQ (с изм. и доп. по сост. на 12 июня 2012 г.) // URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?link_id=1001401801

[199] от 19 декабря 2000 г. № 53-II (с изм. и доп. по сост. на 31 марта 2012 г.) // http:// online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31339348

[200] от 5 января 2013 г. № 16-З // URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/ H11300016_1357765200.pdf

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.